
Nikita ZEVS
ПОЛНЫЙ ПИПЕЦ:
Настоящий Magic

Nikita ZEVS

Полный Пипец: Настоящий Magic!

«Автор»
2026

ZEVS N.

Полный Пипец: Настоящий Magic! / N. ZEVS — «Автор», 2026

Празднование конца десятого класса обернулось для верных друзей и их учителя английского неожиданным перемещением. Один литр «Неёловского кваса» — и вот вы уже не на уютной даче на природе, а в самом защищенном замке Британии! В чужих телах, с чужими проблемами и очень смутным представлением о том, как работает магия!Смогут ли они сохранить рассудок, не вылететь из школы в первый же день и найти путь назад? Магическая битва начинается, и она будет чертовски эпичной!

© ZEVS N., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1: САМЫЙ УЛЁТНЫЙ ОТДЫХ В МИРЕ 6
ГЛАВА 2: ТОЛЬКО СОЛНЦЕ, ТОЛЬКО НЕБО И РЕКА 14
ГЛАВА 3: НАСТОЯЩИЙ MAGIC 19
ГЛАВА 4: МЫ В ТЕЛЕ И В ДЕЛЕ 28
ГЛАВА 5: ПЛАН ПО ПЛАНУ 37
ГЛАВА 6: ЧИСТАЯ КРОВЬ 42
ГЛАВА 7: ЯЗЫК — ВРАГ НАШ 43
ГЛАВА 8: ГОРЕ-КУПИДОН 51
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Nikita ZEVS
Полный Пипец: Настоящий Magic!

ГЛАВА 1: САМЫЙ УЛЁТНЫЙ ОТДЫХ В МИРЕ

Стояла жара. Лето явно решило явиться раньше срока, не удосужившись заглянуть в календарь, где всё еще скромно значился май. Впрочем, май этот выдался на редкость заносчивым: что ни день — то стабильные +25°C, а в особо «веселые» моменты столбик термометра вплотную подбирался к тридцатке, заставляя асфальт плавиться, а людей — сомневаться в разумности мироздания.

Атмосфера была пропитана предвкушением отпусков. По радио один за другим крутились треки про «море, солнце и песок», которые в условиях душного города звучали не как приглашение к отдыху, а как изысканное издевательство.

И вот, в один такой погожий вечер, по одинокой загородной дороге катил автобус. Снаружи он выглядел вполне буднично, но внутри представлял собой мобильную версию камеры пыток. Несмотря на все открытые окна, в салоне царила такая духота, что пассажиры невольно начали напоминать плохо прожаренные стейки.

Когда этот железный ящик на колесах наконец остановился, из него, пошатываясь, выгрузились двое молодых людей. У каждого за плечами висел туго набитый рюкзак.

Первый парень — плотный блондин в фиолетовой футболке — выглядел так, будто только что совершил восхождение на Эверест, причем на руках.

Второй — худощавый шатен в черном — держался чуть бодрее, хотя его лицо по цвету могло соперничать с перезрелым помидором.

— Да чтоб я... еще хоть раз... — блондин тяжело оперся о колени, пытаясь выдыхать раскаленный воздух. — Как Диана вообще добирается досюда и умудряется оставаться в живых? Она что, использует магию вне Хогвардса?

— Витя, друг мой... — выдохнул шатен с интонацией умирающего лебедя, глядя на размытый от жары горизонт. — Ты мыслишь слишком мелко. Забудь о физических страданиях бренного тела! Мы приехали сюда, чтобы... ох... воспарить духом! Ты вообрази: только солнце, только небо и река!

— М-да уж, — саркастично отозвался блондин, вытирая лоб футболкой. — Солнца у меня уже в избытке, реку я готов выпить целиком прямо сейчас, а тишина наступит только тогда, когда у меня окончательно откажут легкие. Это ли не лучший отдых в истории человечества?

Дорогие читатели, позвольте отрекомендоваться. Меня зовут Марсель Беляев. А моего верного соратника — Виктор Раннев.

Я искренне рад, что вы решили составить нам компанию. Устраивайтесь поудобнее (желательно там, где есть кондиционер), а я, незримо стоя у вас за плечом, поведаю вам историю о том, как наша попытка «просто отдохнуть в деревне» привела к последствиям, которые не снились даже самым отпетым волшебникам.

Пока мы с Витей пытались привести наши организмы в чувства, прислонившись к покосившейся остановке, я воспользуюсь паузой и вкратце объясню вам, что заставило двух разумных (по крайней мере, по документам) людей добровольно покинуть цивилизацию ради этой очаровательной глуши.

Знаете ли, когда мы в феврале вернулись из Москвы после нашей памятной «чумовой практики» (мы всем классом ездили в столичный крутой универ на практику), жизнь не поспешила встретить нас фанфарами и красной дорожкой. Вместо этого она с размаху окунула нас в пучину образования. Мы погрузились в учебу с таким рвением, с каким человек обычно погружается в ледяную прорубь — то есть с громким воплем и желанием немедленно вылезти обратно. Ну вы же знаете: все мы с самого детства только и грезим о том, чтобы каждый божий день встречать радостным «Здрасьте!» очередную контрольную или проверочную.

Но в мае фортуна наконец-то устала над нами издеваться. Все годовые экзамены остались позади, как страшный сон после несвежего ужина. Мы вышли из школы с гордо поднятыми головами и твердым намерением не вспоминать таблицу Менделеева как минимум до осени.

И тут на сцену вышла Вика Одинцова. Чтобы вы понимали: если в радиусе ста километров затевается какой-то кипиш, будьте уверены — Вика либо его возглавляет, либо является его генеральным спонсором. Мне она приходится верной подругой, а Вите — девушкой, что автоматически делает его главным исполнителем всех её авантюр.

— Мальчики, — заявила она с тем блеском в глазах, после которого обычно приходится писать объяснительные в полиции, — мы обязаны отметить окончание этого ада!

Мы с Витей, разумеется, поддержали идею. Вскоре наш «совет старейшин» разросся. Вика позвала каких-то своих знакомых, я звал и Гошу, своего кореша с десятилетним стажем, но тот позорно дезертировал, укатив в Питер к своей девушке (она же — старшая сестра Вики, Вероника). Питерская романтика оказалась сильнее мужской солидарности.

Когда дело дошло до выбора места, начался классический демократический хаос:

Вика и Витя жаждали спортивного мероприятия. Причем Витя, страдающий запущенной, третьей стадией «вируса подкаблучничества», был согласен даже на синхронное плавание, если бы Вика того пожелала;

А Диана… Диана выдала жемчужину: свалить к ней в деревню, подальше от суеты, асфальта и здравого смысла.

Как вы понимаете, идея Дианы победила единогласно (в основном потому, что там обещали отсутствие режима и полную свободу действий).

Вот так мы и оказались на этой Богом забытой остановке.

— Ну и куда нам дальше прикажете тащить свои бренные кости, сэр? — осведомился Витя, оторвавшись от своей колоссальной бутылки с водой.

— Виктор, друг мой, — проговорил я, скрестив руки на груди и тщетно пытаясь спрятаться в жиденькой тени покосившегося дорожного знака, — вы пьете с грацией изнывающего от жажды бегемота. Настоятельно рекомендую оставить хоть каплю этой живительной влаги на случай непредвиденных осложнений.

Мой одноклассник в ответ лишь фыркнул, сделав ещё один глоток. Я извлек из кармана раскаленный телефон.

— Спокойствие, мой нетерпеливый друг, только спокойствие, — я торжественно открыл сообщение от Дианы. — Ваше турне по обочинам окончено.

— Неужели за нами пришлют карету? — хмыкнул Витя, оглядывая пустую пыльную дорогу.

— Берите выше! — гордо провозгласил я. — Согласно последней депеше, с минуты на минуту на горизонте должна материализоваться ваша ненаглядная Виктория. Она милостиво согласилась подобрать нас с этого праздника жизни и с ветерком домчать прямиком в резиденцию Дианочки. Так что извольте стоять смирно. Ждем-с.

Услышав имя своей дамы сердца, мой друг Витя, еще секунду назад напоминавший забытое на солнце желе, преобразился с пугающей скоростью. Откуда ни возьмись, в нем проснулась военная выправка. Он выпрямил спину, втянул живот, одернул футболку неуловимым движением и даже попытался изящно пригладить растрепанные волосы.

— Вика? Сама приедет? Что ж вы сразу не доложили, Марсель! Я же должен выглядеть подобающе, — заявил он тоном человека, который готовится к встрече с королевой, а не с собственной девушкой.

— Вы выглядите поистине безупречно, Виктор, — невозмутимо заверил я его. — Как человек, который только что принял солнечную ванну. Красный такой, мокренький. Настоящий помидорчик!

— Благодарю вас, Марсель, — со сдержанной улыбкой кивнул Витя. — Но знаете, такой чудесный денёк не испортит даже ваш искрометный юмор.

Наши высокосветские рассуждения были грубо прерваны. Сначала раскаленная земля под ногами мелко завибрировала, а затем издалека донесся звук, живо напоминающий брачный зов простуженного тираннозавра. Шум и лязг стремительно нарастали, грозя разорвать наши барабанные перепонки.

— Что это? — крикнул я, пытаясь перекрыть гул. — На нас наступает танковая дивизия? Или кто-то уронил рояль в работающую бетономешалку?

Из-за поворота, поднимая за собой монументальное облако вековой пыли, вылетело нечто.

Это была не карета. И даже не старенький фермерский пикап, на который я в тайне надеялся. Это был гигантский, устрашающе рычащий всеми своими цилиндрами квадроцикл, габаритами больше напоминающий малогабаритную однокомнатную квартиру на колесах.

Верхом на этом порождении Безумного Макса, с уверенностью полководца, въезжающего в покоренный город, восседала Вика.

Я с отвисшей челюстью уставился на приближающегося монстра. В моем измученном жарой мозгу тут же пронеслась живописная картина того, как на первой же кочке мой драгоценный позвоночник осыплется в штаны, а внутренние органы превратятся в молочный коктейль.

— Витя! — прохрипел я, нервно пятясь от обочины прямо в крапиву. — Умоляю, скажи мне, что эта колесница Сатаны приехала не по наши души!

Но Витя меня не слышал. Его трансформация достигла апогея. Он замер у края дороги, подавшись вперед всем телом, словно античный герой, узревший явление небесного божества. Несмотря на летящие в лицо комья грязи и пыли, на его лице блуждала абсолютно блаженная, почти идиотская улыбка.

— Ты только посмотри на нее, Марсель... — с благоговейным придыханием прошептал мой пораженный вирусом подкаблутизма друг. — Какая осанка... Какой наклон головы! Какая абсолютная, первобытная мощь в том, как она жмет на газ!

— Мощь?! — воскликнул я, прикрываясь портфелем. — Да она сейчас нас переедет и даже не заметит, что асфальт стал чуть более бугристым!

С оглушительным рёвом и визгом тормозов этот четырехколесный апокалипсис замер ровно в полуметре от моих кроссовок. Пыльное облако наконец-то осело, явив нам восседающую на квадроцикле Вику. Окинув взглядом наши физиономии, она заливисто расхохоталась.

— Привет, мальчики! — крикнула она сквозь смех. — Ну что, подкинуть вас на вечеринку?

Я сглотнул ком в горле, бросил красноречивый взгляд на рычащий двигатель и выдавил из себя вежливую улыбку.

— Премного благодарен, сударыня, но я, пожалуй, откажусь. Видите ли, врачи категорически запрещают мне аттракционы, несовместимые с жизнью. К тому же, мои предки славились выдающейся выносливостью в пеших походах, так что я дойду...

Договорить мне не дали. Моя рука оказалась в железном захвате Вити. Он с силой дернул меня на себя.

— Конечно, о чем речь! — перебил он меня, уже карабкаясь на это железное чудовище. — Боже, какой у тебя потрясающий, милый вид транспорта! Очаровательная машинка!

— Ты прямо как Хагрид, — мрачно проворчал я ему в ухо. — Тот тоже искренне считал всяких смертоносных исчадий ада «милыми пушистиками».

— Между прочим, Марсельчик, — надменно процедила моя подруга, — это «исчадие ада», как ты изволил выразиться, довезет нас до «Белых Сов» быстрее, чем ты успеешь произнести свои извинения и молитвы. Держитесь.

И без единого лишнего слова она вдавила педаль газа в пол.

Двигатель взревел так, что где-то в лесу наверняка оглох медведь. В следующую секунду квадроцикл рванул с места. А сам я, слившись с Витей в единый монолит ужаса, устремился навстречу судьбе и деревне со странным названием «Белые Совы».

И вот, мы летели сквозь пространство и время. Дорога на удивление оказалась ровной, ни одной попутной машины на горизонте не наблюдалось, и Виктория, почувствовав свободу, всё сильнее вдавливала гашетку в пол. Признаюсь честно — к своему величайшему стыду, мне это начало нравиться. Свежий ветер в лицо, ревущий мотор, орущий в ухо Вики Витя... В общем, огромный квадроцикл нес нас прямо в…

БУМ!

Какая-то машина, материализовавшаяся из чистого воздуха, нагло ударила нас в бок. Вика, продемонстрировав реакцию мангуста на энергетиках, дернула руль в сторону. Я мертвой хваткой вцепился в Витю, Витя, пискнув, вцепился в свою ненаглядную.

Издав нестройный «ОООООАААХ!», мы ушли в поистине голливудский дрифт, подняли столб пыли до самых небес и чудом не перевернулись, замерев у самой обочины.

Не успели мы с Витей заново научиться дышать, как Вика грациозно спрыгнула с седла. Чеканя шаг, она направилась к машине обидчика, затормозившей неподалеку.

— Ты вообще смотришь, куда прешь, кусок дорожного недоразумения?! — рявкнула она.

— Виктория! — закричал я, прикидывая, в каких кустах нам с Витей прятать наши трупы. — Ты в своем уме?! Женщина, угомонись, нас же сейчас закопают!

Дверь машины медленно, зловеще распахнулась. Из салона неспешно выбралась фигура... Мужик был высокий, широкоплечий и крепкий, правда, под солидной кожаной курткой (и это в майскую жару!) угадывалось авторитетное пузико. На глазах у него красовались черные солнцезащитные очки, делающие его похожим на постаревшего Терминатора.

— Слышь, малая... — угрожающе прорычал он, надвигаясь на Вику. — Тебя манерам не учили?

Мое сердце ушло в пятки, но ровно на долю секунды. Потому что этот голос я узнал бы даже на дне Марианской впадины.

— Антон Палыч?! — не веря своим глазам, я скатился с квадроцикла и чуть ли не бегом бросился к нему.

Терминатор замер, медленно повернулся в мою сторону и сдвинул темные очки на лоб.

— Беляев? — его густые брови поползли вверх. Он перевел взгляд левее. — Одинцова? И этот ваш... Раннев?

Он ошеломленно окинул взглядом нашу пыльную, всклокоченную троицу, стоящую посреди дороги.

Знакомьтесь, дамы и господа. Антон Павлович Громов. Наш бывший школьный учитель английского языка. И сказать, что он был «просто учителем» — это как назвать ядерную бомбу хлопушкой. Воттакенный мужик! Легенда педагогики с такой богатой историей околокриминальных разборок, лихих 90-х и безумных авантюр, что мы искренне не понимали, как его вообще занесло в школу.

Надо сказать, что с Антоном Павловичем нас связывала не только взаимная нелюбовь к герундию и неправильным глаголам. Этот человек имел счастье (или несчастье) быть непосредственным свидетелем моих грандиозных приключений в Абу-Даби и Москве. Как говорится, он видел некоторое... дерьмо. И потому относился ко мне со снисходительной симпатией бывалого сослуживца.

Узнав нас, грозный учитель мгновенно оттаял, а суровые складки на его лице сменились широченной улыбкой.

Тут стоит отметить феноменальную реакцию Вики. Секунду назад эта девушка была готова перегрызть ему сонную артерию за поцарапанный бампер, но, осознав, что перед ней

бывший препод, она мгновенно спрятала свои клыки. Включив режим «прилежной ученицы», она виновато захлопала ресницами и спрятала руки за спину.

— Вот так встреча на Эльбе! — воскликнул Антон Павлович. Он по-хозяйски оперся на капот своей машины. — Что, цыплятки, летите греть свои ощипанные перышки в деревню? Решили отдохнуть от гранита науки?

— Здравствуйте, Антон Павлович! Ага, спасаемся от теплового удара, — радостно кивнул я, шагнув вперед для солидного мужского рукопожатия. — А вы, я смотрю, тоже решили дезертировать из каменных джунглей и устроить себе внеплановый отпуск?

— А что? Неужто не заслужил? Имею полное право! — добродушно хехекнул Антон Павлович. — Английский в головы оболтусов сам себя, конечно, не вколотит, но и мои нервные клетки не казенные. Тем более сейчас там, в «Белых Совах»... у-у-у, сказка! Благодать. Тишь да гладь. Речка журчит, птички поют, шашлычок жарится. И, что самое главное — ни Феогниды Епсиховны (эта мымра у нас раньше вела музыку и жестко прессовала), ни полиции...

При звуках этого живописного названия у Вити глаза округлились до размеров блюдец.

— Постойте... Как в «Белые Совы»?! — изумленно воскликнул он, чуть не свалившись со своего железного коня. — И вы туда же? Ничего себе совпадение! А мы как раз туда мчим на всех парах! У нас там глобальная сходка!

Новость о том, что тихая, пасторальная деревушка в данный момент до краев забита его бывшими учениками, произвела на Антона Павловича воистину неизгладимое впечатление.

— То есть, вы хотите сказать, — медленно, с расстановкой произнес он, снимая очки и устало массируя переносицу, — что я ехал за тридевять земель только ради того, чтобы прибыть ровно в эпицентр вашей сходки?

Я с глубочайшим пониманием и легким сочувствием развел руками, отвечая:

— Поверьте, мы полчаса назад и сами не верили, что доберемся до сюда живыми.

Вздохнув, англичанин махнул нам рукой и уселся обратно в салон своей солидной машины. Хлопнула дверца, взревел мотор, и Антон Павлович плавно покатил вперед по пыльной дороге.

А мы... А нам оставалось лишь покорно взгромоздиться на нашего рычащего монстра. Вика вновь выжала ручку газа. И мы, глотая пыль из-под колес машины нашего учителя, помчались за ним следом.

Долго ли, коротко ли, но вот, наконец, на обочине мелькнула покосившаяся табличка с надписью «Белые Совы».

Сразу за ней нашим измученным жарой и страхом глазам открылась сама деревня. И, признаюсь вам честно, это было поистине идиллическое зрелище. Вдоль улочки выстроились миленькие, типично деревенские домики с резными наличниками, палисадники утопали в зелени, где-то вдалеке мирно мычали коровы... У меня даже где-то глубоко в груди, под ребрами, предательски защемило.

Накатила светлая, тягучая ностальгия.

Именно в такой вот домик, к такой же скрипучей деревянной калитке я приезжал в детстве к бабушке с дедушкой в былые, беззаботные 2010-е... Эх, как же давно это было! Настоящая золотая эпоха. Казалось, с тех пор прошло не жалких десять лет, а целая ве...

— ДЕРЖИТЕСЬ! — гаркнула Вика так, что с ближайших проводов с истеричным карканьем сорвалась стая ворон.

Моя поэтическая меланхолия с громким звоном разбилась. Вика, очевидно, искренне считавшая плавное торможение уделом слабаков, на полном ходу ударила по тормозам ровно у ворот одного большого, добротного дома.

Квадроцикл взвизгнул шинами и встал как вкопанный. Мы с Витей дружно оторвались от сиденья и чудом не совершили синхронный полет через руль прямиком в чьи-то заросли малины.

— Приехали! Остановка конечная, просьба освободить вагоны! — бодро возвестила Вика. Она легко спрыгнула с этого дьявольского механизма, ничуть не смущенная тем, что только что чуть не прервала жизненный путь двух подающих надежды джентльменов.

Следом за ней с сиденья слез Витя. Точнее, слово «слез» к этому процессу категорически не подходило. Он медленно сполз на землю, словно подтаявшее на солнце желе. Его обычно жизнерадостное лицо приобрело благородный, но пугающий бледно-зеленый оттенок.

— Сэр, неужели вас укачало? — с насмешкой осведомился я, разглядывая его лицо. — Я был свято уверен, что столь могучий дух, воспаривший от великой любви, не подвержен таким жалким, низменным физиологическим слабостям. Морская болезнь настигла вас на суше?

— Марсель, ваше невежество меня поражает, — произнес он, тщательно контролируя дыхание и стараясь не смотреть на злополучный квадроцикл. — Мой утонченный столичный организм просто пытается переварить... в переносном смысле, разумеется!.. ту абсолютную грацию и страсть, с которой Виктория только что разрывала ткань пространства и времени.

— Ваша Виктория чуть не отправила нас на аудиенцию к апостолу Петру, — хмыкнул я, скрестив руки на груди. — А ваш «утонченный организм» сейчас по цвету идеально сливается с кустом крыжовника.

— Это называется единением с природой! — парировал Витя, хотя его голос предательски дрогнул.

— Витюш, ты как, живой? Не тошнит? — заботливо, но с легкой насмешкой окликнула его Вика, снимая с рук байкерские перчатки.

Мой друг, еще секунду назад готовившийся слиться с вечностью, мгновенно преобразился (да, опять!). Болезненная зеленоватость уступила место лихорадочному румянцу. Он вытянулся по струнке, втянул живот и изобразил на лице улыбку Джеймса Бонда, который только что спас мир.

— Я свеж, как майская роза! — пропел Витя бодрым баритоном.

Я лишь закатил глаза, поражаясь силе этого великого и ужасного недуга под названием «подкаблутизм».

И в этот момент ворота распахнулись и к нам навстречу вышла Диана.

Она была облачена в старые, видавшие виды брюки и простую желтую футболку, но несла себя так, будто это была последняя коллекция от Гуччи. Небрежно проведя рукой по своим коротким волосам, она направилась к нам твердой, уверенной походкой истинной хозяйки положения.

Глядя на нее, я в очередной раз поймал себя на мысли, что невольно любуюсь этой девушкой. Удивительное дело: даже здесь, в эпицентре сельскохозяйственных угодий, в абсолютно рабочей, «домашней» экипировке, она умудрялась сохранять то, что я про себя называл «брутальной грациозностью». Если бы журнал Vogue когда-нибудь решил выпустить спецвыпуск про выживание в лесу или рубку дров, Диана однозначно украсила бы его обложку.

— Привет, гайс! — бодро возвестила она, останавливаясь перед нами и окидывая нашу живописную группу цепким взглядом. — Ну что, как добрались?

Она красноречиво скосила глаза на квадроцикл, на сияющую Вику и на всё еще бледного Витю, который старательно делал вид, что изучает архитектуру соседнего забора.

— Добрались с ветерком, — заметил я. — Хотя лично я считаю чудом тот факт, что мы вообще добрались, а не остались удобрять придорожные кусты.

Диана фыркнула и перевела взгляд на меня. Ее губы дрогнули в улыбке.

Она сделала шаг навстречу.

— Привет, Беляев, — выдала она.

— Для вас, сударыня, просто Марсель, — усмехнулся я, отвесив легкий поклон. — Но, тем не менее, чертовски рад тебя видеть. Владения мы оценили, резиденция чудесная.

— Благодарю. И это вы не видели, что внутри, — сказала она. — Ну, проходим во двор, не стесняемся!

Как только мы миновали скрипучую калитку и ступили на территорию внутреннего двора, я понял: наши молитвы были услышаны. Мы оказались в раю.

Прямо по курсу сверкал голубой водой новенький бассейн, неподалеку возвышался мангал — этот священный алтарь грядущего пиршества, — а на веранде красовалась мощная музыкальная колонка, всем своим видом обещающая нам культурный досуг.

— Я попал в рай! — выдохнул Витя, мгновенно позабыв про свою аристократичную тошноту и бледность. — Отмените все мои дела на ближайшее столетие, я остаюсь здесь!

— Диан, а Егор уже приехал? — как бы невзначай поинтересовалась Вика, деловито разбирая свою спортивную сумку и не обращая внимания на восторги своего кавалера.

Температура воздуха во дворе резко упала до абсолютного нуля, по крайней мере, для одного конкретного человека. Радостная улыбка сползла с лица Вити. Он медленно повернул голову. В его глазах мгновенно включился радар сканирования угроз.

— Что еще... за Егор? — процедил он тоном инквизитора, почуявшего запах ереси.

— Да так, мой один хороший знакомый, — невозмутимо отмахнулась Вика,

извлекая из сумки солнцезащитный крем. — Познакомились, когда представляли наш город на областных соревнованиях по бегу.

— Он зашел в дом, чтобы вынести шампуры, — так же буднично добавила Диана, облокотившись о стол.

— Постойте-ка, — теперь уже напрягся мой внутренний параноик, — ну а ты-то откуда знаешь этого легкоатлета?

— Вика познакомила, — пожала плечами Диана. — Отличный парень.

Я уже открыл рот, чтобы задать еще пару уточняющих вопросов о степени «отличности» этого таинственного Егора, как вдруг входная дверь с легким скрипом распахнулась.

На пороге возникла фигура, держащая в руках связку металлических шампуров.

Секунды две я просто стоял и пялился вперед. На улице стояла аномальная майская жара под тридцать градусов, но парня это явно не смущало. На нем была надета плотная черная кожаная косуха. Под косухой виднелась красная футболка, с которой на меня сурово и неодобрительно взирал товарищ Сталин. Завершала этот перфоманс длинная кучерявая шевелюра.

Но самое странное заключалось в другом. Несмотря на весь этот парад нелепостей, я абсолютно точно узнал эту физиономию.

— Щегол?! — удивленно и радостно воскликнул я.

От неожиданности парень вздрогнул. Раздался оглушительный звон — связка металлических шампуров с грохотом посыпалась из его рук прямо на деревянный пол веранды.

— Марсель?! — вытаращил он на меня глаза, чуть не наступив на собственное оружие труда.

Да, да, да. Это был не какой-то там случайный бегун, а мой старинный боевой товарищ. Мы с ним раньше учились в одной школе, и боги свидетели — чего только мы не пережили вместе. Раньше нас было четверо, великолепный и неразлучный квартет: я, он, наш беглый Гоша и еще один наш товарищ — Аркаша Градский. Но, как это часто бывает в жизни, судьба раскидала нас по окопам. Теперь от нашей легендарной четверки остались лишь двойки: я кооперировался с Гошей, а Егор — с Аркашей.

Но кое-что в нем осталось неизменным.

Ярый фанат коммунизма, историк от Бога, который искренне верит, что мировому империализму скоро настанет конец, и свято чтит наследие вождей пролетариата. Знакомьтесь: Егор Сидоров. Или просто «Щегол», как я любовно окрестил его еще в те времена, когда мы вместе подкладывали кнопки на стулья учителям и кадрили пятиклассниц, шестиклассниц и семиклассниц (то есть милф, как мы их тогда называли).

— Сколько лет, сколько зим! — басовито протянул он, небрежно перешагивая через разбросанный по крыльцу металлический арсенал.

Мы сомкнулись в крепких объятиях.

Зрители нашей импровизированной мелодрамы ошарашенно молчали, пытаясь сложить два и два.

— Вы что, знакомы? — оторопело спросила Вика.

— Еще бы! Смею заверить, мы знакомы даже дольше, чем с вами, дамы, — усмехнулся Щегол, по-дружески похлопывая меня по спине. — Я этого малолетнего буржуазного элемента знаю с самого сопливого детства! Мы с ним в одной песочнице окопы рыли.

— Господа, ну раз мы так здорово все тут собрались, может, давайте уже начнем? — проговорил Витя. — А то мы с Марселем и Викой, понимаете ли, с дороги.

— Самая здравая мысль за всё это время! — провозгласил Щегол. Он схватил шампур, взмахнул им в воздухе и торжественно указал на мангал: — Ну что, товарищи! Как гласил знаменитый приказ товарища Сталина: «Ни шагу назад!». Вперед, на штурм стейков!

Так и закончился наш путь, и так официально стартовал наш долгожданный отдых.

ГЛАВА 2: ТОЛЬКО СОЛНЦЕ, ТОЛЬКО НЕБО И РЕКА

Солнце медленно, словно нехотя, окончательно скатилось за горизонт, напоследок окрасив небо над «Белыми Совами» в невероятно красивые, глубокие персиковые тона. Воздух, который весь день безжалостно издевался над нами, прикидываясь филиалом раскаленной духовки, наконец-то сжалился. Он стал мягким, теплым и ласкающим. Вечерняя прохлада приятно холодила наши разгоряченные городские лица, смывая остатки усталости.

На темнеющем лазурном небе серебром прорезался острый, тонкий серп молодого месяца.

«Кривая ухмылка Вселенной», — подумал я, откидываясь на спинку плетеного кресла и глядя на этот светящийся изгиб.

В тот момент тревожным предчувствиям просто не было места в наших сытых, довольных телах. Мы все находились в состоянии глубокой, благостной расслабленности. Наша великолепная пятерка восседала вокруг широкого деревянного стола, практически до основания уничтожив стратегический запас шашлыков. Тех самых шашлыков, которые мы — не без помощи чуда, политических лозунгов Егора и такой-то матери — всё-таки героически «замутили», не спалив при этом ни резиденцию Дианы, ни соседские сараи.

На мангале мирно, по-домашнему уютно потрескивали остывающие угли, отбрасывая теплые красноватые блики на наши умиротворенные физиономии.

Витя, объевшийся так, что его футболка грозилась треснуть по швам, полулежал на стуле и смотрел в пустоту абсолютно счастливым взглядом буддийского монаха, познавшего Нирвану. Щегол, отдуваясь, сыто жмурился, всем своим видом выражая гордость за перевыполнение нашей продовольственной программы. Девочки неспешно попивали травяной чай, лениво переговариваясь о чем-то своем, девичьем.

— Господа... — нарушил я тишину, чувствуя, что мне категорически лень даже шевелить языком. — Я официально заявляю: жизнь удалась. Если прямо сейчас в калитку постучится конец света, я ни за что не встану с этого стула. Придется ему подождать до утра.

И тут, словно мироздание действительно решило немедленно принять мой вызов, петли калитки протяжно скрипнули. В проеме, эффектно подсвеченный желтоватым светом уходящего солнца, возник монументальный силуэт.

— Антон Павлович? — изумленно протянул Витя.

А вот наш бравый коммунист отреагировал совершенно иначе.

— Антон Палыч! — радостно, но не меняя при этом ленивой позы, отозвался Щегол. — Чего вы так долго?

— Чтобы ты спросил, Сидоров, — незлобиво огрызнулся бывший препод.

Не снимая кожаной куртки, он по-хозяйски, чеканя шаг, прошел на нашу территорию. В руке он держал какой-то весьма пухлый и загадочно позвякивающий пакет.

— Доброго вечера, соседка! — кивнул он Диане, поправляя очки на лбу.

— И вам не хворать, Антон Павлович, — абсолютно спокойно, словно они каждое утро вместе доили коров, откликнулась наша хозяйка.

Я, мужественно преодолевая земное притяжение и сытую сонливость, с трудом повернул отяжелевшую голову к Диане. Мои брови поползли вверх.

— Постойте-ка... Вы — соседи?! — мой взгляд метнулся от невозмутимого англичанина к Диане и обратно.

— М-да, посчастливилось стать жертвой районного планирования, — иронично усмехнулась Диана.

Она плавно поднялась со скамейки, опершись рукой о моё плечо.

— Антон Павлович, я так понимаю, вас Егор позвал? — спокойно продолжила она, не убирая руки с моего плеча (факт, который я, признаться, воспринял с глубоким, тщательно скрываемым удовольствием).

— Вообще-то, у вас, оболтусов, скоро комендантский час. Должен же за вами присматривать хоть один ответственный взрослый, дабы вы не сожгли деревню, — наставительно проговорил наш экс-преподаватель. — Тем более, я прибыл не с пустыми руками.

С этими словами он раскрыл свой позвякивающий пакет. Внутри покоился настоящий стратегический резерв: четыре огромные, устрашающего вида пятилитровые баклажки, наполненные какой-то мутной, подозрительно темной жидкостью. Двадцать литров некоего зелья.

— Прошу любить и жаловать! — с гордостью провозгласил англичанин. — Неёловский квас! Эксклюзивная партия. Приготовлен во второй столице России — славном граде Неёлово — лучшими мастерами мира!

Мы впятером весьма скептически уставились на эту батарею пластиковых бутылок.

— Антон Павлович... — вкрадчиво протянула Диана. — Только честно. Вы что, опять с Алексеем Сергеевичем пытались самогон сварить?

Англичанин возмущенно поперхнулся и яростно откашлялся.

— Диана! Попрошу без гнусных подробностей! И не смей впутывать в это святого человека, моего друга-стоматолога! — оскорбленно гаркнул он. — И вообще, для протокола: тогда это был исключительно научный эксперимент...

— Простите, — робко перебил его Витя. — А разве вторая столица России — это не город Петра на Неве?

Антон Павлович смерил его уничтожающим взглядом.

— Двойка тебе по географии, Раннев, — припечатал он тоном, не терпящим возражений. — Питер — это культурная столица! А вот вторая столица, историческая и непогрешимая — это Неёлово!

— И всё это исключительно потому, что там родились лично вы, — с усмешкой сказала Диана.

— Диан, хорош сгущать краски! Этот квас — исключительно добротное, я бы даже сказал, элитное пойло! — решительно вступился за уязвленного англичанина Щегол. — Я лично проводил его дегустацию на собственном дне рождения в прошлом году. Сказочный букет, терпкое послевкусие! Помнишь, Марсель? Изумительная была вещь.

Я задумчиво потер подбородок, вспоминая.

— А-а-а-а... Ну как же, как же, — медленно протянул я, откидываясь на спинку стула. — Прекрасно помню. Безупречный букет, тонкое послевкусие... И совершенно незабываемый финал в виде кареты скорой помощи, приехавшей к нам на дачу сквозь ночную мглу с сиренами.

— Это было всего лишь легкое недомогание, — нервно кашлянув, попытался сдать назад Егор.

— Легкое недомогание? — невозмутимо переспросил я, повернувшись к затаившим дыхание дамам. — Если мне не изменяет память, медикам тогда пришлось провести тотальную генеральную уборку всего твоего внутреннего мира. Грандиозное промывание желудка!

— Марсель... — угрожающе прошипел Щегол.

— Пять клизм, Егор! Пять! — провозгласил я с театральным пафосом. — Твой организм держал оборону, как Брестская крепость, но эскулапы взяли его измором! А твой некогда цветущий дачный сад... О, этот дивный уголок природы всего за одну ночь превратился в зону химического поражения, благоухающую так, что у тебя даже кроты вывелись!

Витя, не выдержав, рассмеялся. Глаза девочек округлились до размеров блюдец.

— Да это чистой воды брехня! — багровея под цвет своей сталинской футболки, поспешно перебил меня Егор. — Квас тут вообще ни при делах, я те зуб даю! Это всё ваши...

эти... тарталетки с красной рыбой! Вы ж меня тогда ими обкормили! Вот мой простой, честный желудок и объявил забастовку против излишеств!

— Действительно, Беляев! — веско поддержал его Антон Павлович, оскорбленно выпятив грудь. — Обвинять этот шедевр в слабости чьего-то желудка — это абсолютное хамство. Мой квас кристально чист, как слеза младенца!

— Ладно, ладно, давайте сюда ваш «Неёловский квас», — завершила наш спор Вика, пододвигая к себе пластиковый стакан. — Попробуем хотя бы не отравиться до потери пульса.

— Да ну, может, не стоит? — с сомнением махнула рукой Диана, с явным подозрением косясь на мутную тёмную жижу в бутылках. — Мы же вроде ещё на речку собирались сходить.

— Так это же тем более! — просиял Антон Павлович. — Вы не понимаете всей тонкости момента! Этот крафтовый эликсир категорически запрещено употреблять в закрытых помещениях! Его надо пить исключительно на берегу реки, под шум воды и только в хорошей, проверенной компании! Иначе, уверяю вас, чуда не произойдет!

— ...И ты не воспаришь в райские кущи, а очнешься в придорожной канаве со швом на боку, потому что тебе просто удалили почку, — с зловещей улыбкой проговорил я.

Диана рассмеялась, Витя хехекнул, почесав затылок.

— Я лично вообще не против прогуляться! — бодро возвестила Вика, игнорируя мой медицинский юмор. — Витя тоже согласен!

С этими словами она по-братански обхватила шею своего кавалера рукой.

— М-да... — только и смог обреченно выдохнуть Витя.

— Ну вот и порешали! Коллектив сказал «надо»! — радостно подытожил Щегол. Он с энтузиазмом подхватил под мышки сразу две пятилитровые бомбы с «Неёловским» зельем. — Вперед, товарищи! Выдвигаемся на водные рубежи!

Таким образом, наша дружная экспедиция выдвинулась к водоему.

В роли Сусанина выступала, разумеется, Диана — как единственная законная владелица этих земель и обладательница встроенного компаса.

Идти, к моему превеликому облегчению, оказалось подозрительно недалеко. Мы просто вышли со двора, свернули за чей-то покосившийся забор, преодолели весьма скромный холмик (который в моей тяжелой гастрономической коме показался мне, минимум, Эверестом) и... вот она. Тихая, живописная речушка, в водах которой отражались последние отблески закатного неба.

А прямо на берегу, воткнутый в землю под невообразимым углом, торчал побитый жизнью деревянный столбик. На нем красовалась ржавая табличка с гордой надписью: «Река Поттериана».

— Лепота-а-а! — громогласно изрек Антон Павлович, скрестив руки на груди и оглядывая пейзаж. Затем он с облегчением водрузил свои пластиковые реакторы с мутной жижей прямо на траву.

Витя, до этого момента передвигавшийся с грацией сонного пингвина, внезапно ожил. Запах свежей воды подействовал на него как укол адреналина.

— Да тут и купаться можно! — радостно воскликнул он.

Мой друг бодрой рысью взбежал на хлипкий деревянный мостик, вдающийся в воду, и посмотрел вниз.

— Отставить заплыв! Только после кваса! — обломил его порыв Антон Павлович.

Англичанин нагнулся и с многозначительным видом начал откручивать крышку первой пятилитровой баклажки. Раздался зловещий, тугой «пшшшшшш» — звук выходящего под огромным давлением газа.

— Это еще почему? — обиженно протянул Витя с мостика.

— Потому что вода холодная! — наставительно поднял палец учитель. — Сначала нужно принять эликсир для сугрева души и тела. А то, если на трезвую голову полезешь — эффект будет совершенно не тот!

— Простите, Антон Павлович, — осторожно поинтересовался я, делая шаг назад, — а к какому именно «эффекту» мы, собственно, должны подготовиться? Галлюцинациям? Спонтанной телепортации? Или у нас появятся магические способности?

— У вас откроются чакры и появится способность к абсолютному пониманию сути бытия, Беляев! — назидательно произнес англичанин, щедро разливая мутную, подозрительно пенящуюся жидкость по пластиковым стаканам. — Это, знаешь ли, куда ценнее всякой там магии. Хотя... вот от бутылочки хорошего качественного приворотного зелья я бы сейчас, пожалуй, не отказался.

На этих словах он мечтательно и слегка коварно усмехнулся.

Ну да, ну да. Дело известное. Это была главная негласная мыльная опера нашей школы: Антон Палыч давно и безнадежно сох по нашей бывшей преподавательнице английского — Ольге Александровне.

— Держу пари, каждая девчонка в тайне мечтает о таком чудо-пузырьке, — добавил учитель, протягивая нам стаканы.

— Вряд ли, — скептически хмыкнула Вика, забирая свою порцию. — Я бы не стала страдать такой ерундой.

— И совершенно правильно! — горячо кивнул Витя.

— Ну, ладушки, — зычно сказал Щегол. Он крепко сжал свой пластиковый стакан. — Давайте, братва. За встречу! Марсель, романтик ты наш гениальный, давай, выдай какой-нибудь крутой тост! Как ты умеешь!

Я с достоинством откашлялся.

— Дорогие мои, горячо любимые друзья! И, разумеется, уважаемый наставник! — с пафосом провозгласил я. — Стоя в этот прекрасный вечер на живописных берегах великой водной артерии под интригующим названием Поттериана, я призываю вас осушить эти чаши. Давайте же выпьем этот нееловский эликсир за то... чтобы у наших будущих детей были потрясающе богатые, сказочно успешные и абсолютно гениальные родители!

— Золотые слова, Беляев! Чисто капиталистический подход, но сегодня я это одобряю! — заржал Щегол.

— За нас! — звонко поддержала Вика, салютуя стаканом.

— И за нашу печень! — оптимистично подытожил Витя.

Над тихой рекой Поттерианой раздался нестройный, глухой пластиковый звук сдвигаемых стаканчиков.

Я зажмурился, мысленно попрощался со своей многострадальной пищеварительной системой и сделал большой глоток загадочной темной жидкости.

Жидкость прокатилась по пищеводу, как коктейль Молотова. Квас оказался на удивление ядреным — он мгновенно ударил в нос, заставил глаза прослезиться, а в горле тут же вспыхнул маленький, но очень гордый пожар, который с энтузиазмом начал захватывать прилегающие территории моего организма.

— Ооооохххх! — сдавленно простонал Витя. Он согнулся пополам, хватаясь за горло. — Кха-кха-кха! Ё-моё... мои внутренности растворяются...

— Хргрграаа! — первобытным рыком отозвался Щегол.

Его кудри взметнулись, а зрачки расширились до размеров советских пятикопеечных монет. Казалось, он сейчас либо упадет замертво, либо пойдет голыми руками строить Беломорканал.

— Да-а-а! — прохрипел он, ударив себя кулаком в грудь. — Я узнаю этот вкус! Родная органика!

— Вкус желудочного зонда? — язвительно прохрипел я сквозь навернувшиеся слезы, отчаянно морщась и пытаясь поймать ртом спасительный воздух.

Девочки тоже боролись за жизнь: Вика остервенело махала ладонью у лица, тяжело дыша, а Диана просто зажмурилась, тихо кашляя в кулак и подозрительно покачиваясь на пятках.

Лишь один Антон Павлович, отпив из своего стакана, выглядел свежим, как утренняя роза на полях Йоркшира.

— Ну я же говорил! Эффект — потрясающий! — самодовольно провозгласил англичанин, глядя на наши страдания.

— Я как-то раз в ранней юности случайно хлебнул столового уксуса, — прохрипел Витя, глядя на свой пластиковый стаканчик с нескрываемым, суеверным ужасом. — Такое себе, доложу я вам, было ощущение. Так вот, я сейчас абсолютно авторитетно заявляю: тот уксус — это просто целебная минеральная водичка по сравнению с этим...

— Ничего вы не смыслите в современном искусстве приготовления напитков. Провинциалы! Жертвы газировок! — возмущенно фыркнул Антон Павлович, элегантно взбалтывая мутную жижу в своем стакане. — Хотя... — он вдруг осекся и как-то очень задумчиво посмотрел на пятилитровую баклажку, — может, я по неосторожности и вправду туда случайно какого-нибудь уксуса добавил... Знаете ли, у Алексея Сергеевича в клинике склянки не подписаны...

— Отравитель! — возмутился было я, собираясь произнести пламенную речь, но внезапно язык отказался мне повиноваться.

Окружающий пейзаж начал как-то странно искажаться, растягиваясь в пространстве, словно мы смотрели на него сквозь банку из-под того самого злополучного кваса. Воздух стал плотным, а в ушах нарос странный, вибрирующий гул.

— Эй, народ... — неуверенно протянула Диана, крепко хватая меня за запястье. — Мне кажется, или в этот квас добавили что-то запрещенное...

Она не договорила.

В следующую секунду гул превратился в пронзительный, закладывающий уши свист. Гравитация официально покинула чат, а меня с невообразимой силой дернуло за пупок — так, словно невидимый крюк подцепил меня за ремень.

— Эй, ребята! Что с вами? — дико запаниковала вдруг Вика.

Я с трудом обернулся, пытаясь сфокусировать плывущее зрение. Поле боя на берегу реки Поттериана выглядело эпично.

Антон Павлович с совершенно придурковатой, блаженной улыбкой сидел прямо на земле, нежно обнимая свою пятилитровую баклажку, словно это был Кубок Огня. Неподалеку согнулся пополам Егор. Наш убежденный коммунист держался за живот и на чем свет стоит проклинал Хрущева, Брежнева и лично Михаила Горбачева за развал советского ГОСТа.

В следующую секунду вибрирующий гул в ушах превратился в пронзительный свист. Пространство с хрустом треснуло по швам.

Темнота сомкнулась надо мной плотным, ледяным саваном. Меня закрутило в невидимой мясорубке. Сердце стало стучать всё громче и громче — казалось, оно бьется прямо в горле, оглушая своими ударами. Воздуха вдруг стало катастрофически не хватать. Я судорожно пытался сделать вдох, но в легкие не поступало ни грамма кислорода.

В ушах звенело. Тело сжала невыносимая тяжесть.

И тут, сквозь панику и боль, в голове пронеслась абсолютно ясная, кристальная мысль.

Всё. Я умираю.

Моя жизнь заканчивается вот так: глупо, абсурдно, не от старости в своей постели и в окружении родственников, а от того, что я выпил сомнительную бурду на берегу безымянной речки, на глазах у девчонки, которая мне нравится.

Сознание милосердно померкло, и я отключился.

ГЛАВА 3: НАСТОЯЩИЙ MAGIC

После того как я потерял сознание, я был искренне уверен, что некоторое время просто полежу в абсолютной темноте, а затем мои мучения триумфально закончатся. Я рассчитывал, что очнусь на берегу нашей живописной лужи, или, на худой конец, на диване в доме, в окружении наших перепуганных подруг, где мне торжественно вручат таблетку угля и стакан воды. М-да уж. До чего же я бываю иногда наивен...

Помните великолепный мультфильм «Лего. Фильм»? Тот самый момент, когда главный герой дотрагивается до Блока Сопротивления, и у него в голове возникает дикая, кислотная мешанина из флешбеков, чужих воспоминаний и каких-то безумных кадров? Вот нечто похожее произошло со мной.

Мой мозг словно пропустили через центрифугу. Я толком ничего не мог рассмотреть. Перед глазами мельтешили какие-то люди в странных балахонах, вспышки зеленого и красного света, крики, шум, гам, смех... Ощущение было такое, будто мою многострадальную голову насильно примотали скотчем к экрану телевизора и включили неизвестный мне фильм на скорости «2х». Не самый изысканный аттракцион, доложу я вам.

А потом пришла боль.

Я резко начал ощущать свое тело — руки, ноги, ребра. Но это было так мучительно, словно меня пытались впихнуть в гидрокостюм на три размера меньше, предварительно побив палками. Тело категорически отказывалось мне повиноваться, бастовало и устраивало мне физиологический террор.

Но боль эта закончилась так же неожиданно, как и началась. Просто, по щелчку чьих-то невидимых пальцев. Мышцы обмякли, легкие с жадностью втянули воздух, и я наконец-то почувствовал себя относительно расслабленным.

Я с трудом разлепил тяжелые веки и уставился в потолок.

Первое, что констатировал мой мозг — это не потолок дачи Дианы. Надо мной возвышались величественные, старинные сводчатые потолки из серого камня, уходящие куда-то в полумрак. Слева от меня, сквозь узкие, высокие готические окна с витражами, падали косые лучи бледного солнца.

Я лежал на кровати. Причем белье на ней было накрахмалено до состояния такого абсолютного, хрустящего картона, что об него, кажется, можно было порезать палец. Вокруг меня ровными рядами выстроились еще с десяток таких же коек с белоснежными балдахинами, разделенных ширмами.

А еще здесь странно пахло. В любой нормальной больнице пахнет хлоркой, спиртом и безысходностью. Здесь же витал густой, экзотический аромат лаванды, жженого сахара, старой пыли и... кажется, перечной мяты?

— Хм... какие, однако, интересные больницы в этих «Белых Совах», — пробормотал я хриплым голосом, оглядывая готическое пространство.

Что ж, логика подсказывала только один вариант. Видимо, наше отравление нееловским шедевром было настолько ужасным, что девчата немедленно вызвали скорую. А деревенская медицина, судя по всему, располагалась в здании заброшенного краеведческого музея или местной церкви.

Я слегка приподнялся на локтях, чтобы оглядеться, и тут же нахмурился.

Одежда на мне была чужая. Точнее, это была вообще не моя одежда! Вместо моих законных, удобных летних вещей на мне красовалась какая-то дурацкая, тяжелая черная мантия, под которой обнаружилась накрахмаленная белая рубашка, щегольской галстук в зелено-серебряную полоску и шерстяная жилетка.

— Интересно, на кой черт меня надо было переодевать в этот кошмар? — спросил я в пустоту, оглядывая свой новый, весьма пафосный прикид. — Я, конечно, люблю классику, но не до такой же степени! И куда эти сельские санитары дели мою одежду, вот в чем главный вопрос?

Звонко лязгнула какая-то склянка. Откуда-то из-за ширмы раздались быстрые, энергичные шаги.

Из-за занавески вынырнула женщина.

Увидев, что я в сознании и сижу, опираясь на подушки, она искренне, с облегчением улыбнулась.

— О, хорошо, что вы очнулись! А то я уж боялась, что дело совсем плохо! — всплеснула руками она. С этими словами женщина порылась в кармане передника и протянула мне большую плитку какого-то незнакомого шоколада.

— Держите. Ешьте всё, до последнего кусочка, это для скорейшего восстановления сил.

Я принял подношение и откусил кусочек. Шоколад оказался на редкость вкусным. И, что самое удивительное, он действовал моментально: по телу тут же разлилось приятное тепло, возвращая мне силы и былую уверенность.

«А всё-таки тут весьма мило, — удовлетворенно подумал я, разжевывая лакомство. — Сервис на высшем уровне. Надо бы вести себя повежливее и деликатнее. Какие у меня всё-таки потрясающие, заботливые подруги! Не бросили в беде, а вытащили из той глуши и оперативно затащили в какую-то явно частную клинику со стилизацией под старину».

— Премного благодарен, — ответил я, отвесив ей легкую, вежливую улыбку. — Слушайте, могу я вас кое о чем спросить?

— Да, разумеется, — ответила санитарка, но, как мне показалось, она при этом слегка опешила. Взгляд её стал каким-то настороженным.

— Скажите, а это политика вашей клиники — всех пациентов переодевать в этот... э-э-э... миленький костюмчик? — я весьма красноречиво указал на свою тяжелую мантию, жилетку и галстук.

Санитарка сначала удивленно моргнула, словно я спросил у нее рецепт урана, а потом недоверчиво фыркнула:

— Ну и шуточки у вас, мистер Малфой. Сейчас что, у молодежи модно так шутить над медперсоналом?

А вот теперь настала моя очередь удивляться.

«Малфой? — мой мозг на секунду завис. — Она что, "Гарри Поттера" пересмотрела в ординаторской?»

Но затем до меня дошла суровая правда жизни. Я мысленно покачал головой. Ах, бедная, бедная женщина! Наверняка работает здесь круглые сутки за копейки, дежурит в три смены, ишачит над больными, а в редкие минуты отдыха смотрит по старенькому телевизору фэнтези. А я тут, понимаете ли, придираюсь к ней! Конечно, живя в таком адском ритме, у человека может всё в голове перемешаться. Марсель... Малфой... Созвучно же! Начинается на букву «М». Легко перепутать.

— Марсель, — максимально деликатно, чтобы не ранить её уставшую психику, поправил я.

Лицо санитарки при этом имени почему-то болезненно дернулось. (Ну да, наверное, ей стало стыдно от осознания того, что она перепутала имена пациентов).

— Нет-нет, я вовсе не шучу, — миролюбиво продолжил я. — Но раз насчет одежды у нас пока возникла небольшая заминка... Скажите, еще один вопрос: к вам сегодня не попадали два моих друга? Такие... весьма колоритные молодые люди?

— Вы имеете в виду их? Вот же они, — она с подозрением указала на соседние койки через проход.

Я повернул голову. Увы, там были абсолютно незнакомые мне люди. И уж точно не мои друзья.

На одной из коек, разметав руки в стороны и тихо посапывая, лежал какой-то веснушчатый, огненно-рыжий парень, один в один похожий на Рона Уизли. На другой койке обнаружился красивый шатен с идеальной челюстью. Что самое смешное — оба были выряжены в точно такие же дебильные мантии, что и я, только с другими галстуками. У «Рона» он был красно-золотой, а у шатена — черно-желтый.

Эх, а где же Витя с Щеглом?

— Вы ошиблись. Это не мои друзья, — разочарованно вздохнул я.

Мадам еще пару секунд сверлила меня абсолютно ошарашенным взглядом, словно решая, звонить ли в психиатрическое отделение.

— Что ж... Тогда не знаю. Больше ко мне сегодня никто с обмороками не поступал, — медленно, разводя руками, произнесла санитарка и начала пятиться спиной к выходу. — Ладно. Вам нужно отдохнуть... мистер... Марсель. Я не буду вам мешать.

И она поспешно ретировалась в свой кабинет, плотно прикрыв за собой дверь, словно я был буйным больным.

Я лишь пожал плечами и откусил еще кусочек шоколада.

И тут на койке напротив меня с громким стоном, полным вселенского страдания, зашевелился тот самый веснушчатый «Рон». Я с любопытством повернул голову.

Парень почесал свою огненно-рыжую макушку, медленно приподнялся на локтях, словно проверяя, целы ли кости, и шумно выдохнул.

— О-ох... ё-моё... я живой! — пробормотал он хриплым голосом. — Слава КПСС!

После этого он окончательно сел на кровати. Он потер лицо руками, сфокусировал мутный взгляд на готических сводах потолка, каменных арках и массивных колоннах.

— М-да... — со знанием дела, по-хозяйски прокомментировал он вслух, оглядывая помещение. — Больница явно не буржуйская. Никакого тебе вычурного капиталистического лоска. Строго, казенно, по-пролетарски. Хотя, надо отдать должное — сделано со вкусом. Монументально строили, на века! Прямо сталинский ампир!

Я уставился на него напряженным подозрением.

Заметив мой немигающий взгляд, парень совершенно по-свойски, по-пролетарски отмахнулся рукой:

— Добрый день, товарищ! Что же вы на меня так уставились? На мне узоров нет, и цветы не растут!

У меня нервно дернулся глаз. Я продолжал сверлить его взглядом. Так мог выражаться только один-единственный человек из всех моих знакомых! Этот специфический лексикон я узнал бы из тысячи. Но... не может же это быть мой друг...

Неужели этот проклятый «Неёловский квас» от стоматолога оказался настолько радиоактивным, что вызвал у нас спонтанную лицевую мутацию? Или мы словили одну, синхронную на двоих галлюцинацию? Да ну, бред. Антинаучные глупости всё это. Надо просто проспаться.

Тут дверь кабинета снова распахнулась, и наша строгая санитарка, уже слегка

дерганной походкой, вернулась в палату.

Увидев, что рыжий тоже пришел в себя, она судорожно выдохнула:

— Мистер Уизли, хвала Мерлину! Как хорошо, что вы наконец-то очнулись! — она поспешила к его койке, на ходу выуживая из кармана передника еще одну порцию магического лекарства. — Вот, держите. Ешьте немедленно для восстановления сил!

— Благодарю вас, мадам! — кивнул он, принимая шоколад. Затем нахмурился и наставительно добавил: — Только я не Уизли. Вы что-то путаете, гражданочка. По паспорту я — Егор Сидоров.

Санитарка замерла, как вкопанная. Ее рука с зажатой в ней пустой оберткой так и зависла в воздухе. Она перевела панический взгляд с «Уизли» на меня, явно пытаясь понять, это у них заразное или просто массовое помешательство рассудка на фоне стресса.

А парень тем временем, не обращая никакого внимания на ее ступор, откусил кусок и начал вдумчиво жевать. Лицо его посветлело.

— М-м-м! А знаете, очень вкусно! — с искренним уважением вынес он вердикт.

— Что за фабрика? «Красный Октябрь»? Надеюсь, это наша, отечественная марка, а не какая-нибудь западная подделка. Хотя, увы... в современной России такого уже давно не делают.

Санитарка издала странный звук — нечто среднее между писком и всхлипом — и медленно попятилась к стене.

Я же сидел и с пораженным видом вглядывался в «Рона». Не могу поверить... Не может быть...

А тем временем на соседней койке с глубоким, полным вселенского страдания стоном ожил третий пациент.

Красавец-шатен резко сел, выпучил глаза так, словно увидел перед собой налогового инспектора, и издал истошный, но весьма аристократичный вопль:

— А-А-А!

Бедная мадам схватилась за сердце.

— Седрик... мистер Диггори... — слабо, почти умоляюще пролепетала она, явно надеясь, что хотя бы этот, самый благонадежный пациент, окажется в адеквате.

Шатен обвел нашу палату мутным, полным боли взглядом и театрально схватился за виски.

— О-о-ох, как же раскалывается мой череп... — простонал он, а затем посмотрел на женщину. — И вообще, мадам, вы ошиблись палатой. Какой еще к черту Седрик? Я — Виктор. Виктор Раннев. Вы бы записали это куда-нибудь в свою больничную книжку, а то у вас тут с учетом больных какой-то возмутительный бардак.

Всё. Это был предел.

Я понял, что если прямо сейчас не возьму ситуацию в свои руки, деревенская медицина вызовет нам психиатрическую бригаду.

Резко откинув накрахмаленное одеяло, я вскочил на ноги. Мои (не мои!) ступни коснулись холодного каменного пола.

— Мадам, умоляю, не беспокойтесь вы так, с нами всё абсолютно в порядке! — проворковал я.

Я деликатно, но твердо взял остолбеневшую женщину под локоток и начал мягко оттеснять её в сторону кабинета, хотя у самого внутри всё предательски дрожало от самых дурных предчувствий.

— Вы же видите, парни перегрелись на солнце, — продолжал я уверенным шепотом, убедительно кивая на парней. — Знаете, эти магнитные бури, сельский воздух... Квас вот в голову ударил. Наступило временное помутнение рассудка. Они просто немного сошли с ума, бывает. Я сейчас проведу с ними разъяснительную беседу, и они мигом...

И в этот самый момент, уводя санитарку, я случайно бросил взгляд на высокое, оправленное в тяжелую резную раму зеркало, висевшее на стене палаты.

Слова комом застряли у меня в горле.

В мутноватом, старинном стекле отражалась побледневшая мадам Помфри. А за её локоть элегантно и непринужденно держался... высокий, худощавый парень в слизеринской мантии. С идеально прямой осанкой, острыми, высокомерными скулами и гладко зачесанными платиновыми волосами. Абсолютно каноничная, эталонная копия Драко Малфоя.

Я в зеркале шокированно приоткрыл рот. Блондин тоже.

Я в ужасе моргнул. Блондин тоже.

Пазл в моей голове сложился с оглушительным грохотом. Ошибки быть не могло — зеркала, в отличие от санитарок, не переутомляются.

Я стремительно побледнел, сливаясь по цвету со своей новой челкой. Мои ноги подкосились.

— Осторожнее! — вскрикнула мадам Помфри, чудом успев подхватить мое тело и водрузить его обратно на койку.

Пока она суетливо метнулась обратно в свой кабинет (видимо, за тяжелой медицинской артиллерией), я, тяжело дыша, еще раз загнанно вгляделся в дальнее зеркало. Искренне, отчаянно надеялся, что это лишь оптическая иллюзия, игра света, неудачный ракурс или побочный эффект нееловской химии. Но чуда не произошло.

Из зазеркалья на меня со смесью абсолютного шока и первобытного ужаса пялился эталонный слизеринский прынц.

— Выпейте вот это, немедленно. Всем троим! — мадам Помфри вынырнула из-за ширмы, решительно всучив каждому из нас по небольшому пузатому флакону с какой-то дымящейся лиловой бурдой. — Успокоительное зелье. Пейте до дна! Вам сразу полегчает.

Я механически откупорил склянку и опрокинул в себя содержимое залпом, словно рюмку водки на поминках по своей прошлой жизни. Я даже не почувствовал вкуса.

Бдительно удостоверившись, что никто из нас не выплюнул зелье под матрас, строгая женщина ловко собрала пустые флаконы.

— Отдыхайте, мальчики. Поспите. Всё обязательно будет хорошо, вот увидите, — произнесла она тем самым успокаивающе-фальшивым тоном, которым обычно разговаривают с буйными пациентами перед тем, как надеть на них смирительную рубашку.

С этими словами она поспешно скрылась за тяжелыми дубовыми дверями своего кабинета.

И тут тишину нарушил «Рон».

— Виктор... — севшим, почти сиплым басом проговорил он. — Это... ты?

Витя, недовольно поморщившись, попытался изящно одернуть свою сбившуюся черно-желтую мантию.

— Разумеется, я. Кто же еще? — раздраженно фыркнул он, потирая виски. — И прекратите на меня так таращиться, товарищ Сидоров, ваша рыжая физиономия меня пугает.

— Витя... — сглотнув ком в горле, выдавил Егор, совершенно проигнорировав выпад в свою сторону. Он потрясенно ткнул в него пальцем: — Ты... ты же, мать твою, Седрик Диггори!

— Сам в шоке! — истерично выкрикнул Витя, лихорадочно ощупывая свою новую, до неприличия волевую челюсть и гладкую шевелюру.

— Для начала — решить локальные проблемы, — предложил Егор, переводя взгляд на мою скромную блондинистую персону.

Рыжий «Уизли» с хрустом размял веснушчатые костяшки пальцев и откровенно, по-рабочему кровожадно усмехнулся.

— Вот, например, поглядите — с нами тут на соседней шконке настоящий Малфой сидит. Напыщенная морда. Витя, давай ему наваляем за Гаррика? Чисто в целях профилактической борьбы с классовым неравенством!

— Щегол, ради всего святого, не беси меня, — предельно мрачно и устало отозвался я.

Егор поперхнулся воздухом.

— МАРСЕЛЬ?!

— Приятно познакомиться, Рон Уизли. Меня зовут Драко, — с ледяным сарказмом проговорил я,. — А ты, Седрик, сегодня просто великолепно выглядишь.

— Марсель, твой сарказм здесь категорически не уместен, — обреченно вздохнул Витя, потирая лицо. — Я...

Но договорить он не успел. Тяжелые дубовые двери Больничного крыла с громким стуком распахнулись. В помещение влетели двое.

Впереди, тяжело дыша и взлохматив свои и без того торчащие в разные стороны черные волосы, несся Гарри Поттер. Следом за ним, прижимая к груди пару тяжелых учебников, спешила Гермиона Грейнджер. В ее карих глазах читалась неподдельная паника.

— Рон! Хвала Мерлину! — с облегчением выдохнула Гермиона, бросаясь прямо к койке Егора. — Мадам Помфри сказала, что ты пришел в себя! Мы так испугались, когда ты просто рухнул посреди коридора!

Гарри же замер на полпути, словно натолкнулся на невидимую стену. Его взгляд сфокусировался на моей блондинистой персоне, мирно сидящей на соседней кровати. Лицо Поттера мгновенно потемнело, челюсти сжались, а рука инстинктивно дернулась к карману мантии, где наверняка лежала волшебная палочка.

— Малфой? — с удивлением выдохнул Гарри. Он решительно шагнул вперед, инстинктивно загораживая собой кровать своего «лучшего друга».

Гермиона, наконец, оторвалась от осмотра Егора и непонимающе оглядела нашу компанию.

— Седрик? И ты тут? — удивленно моргнула она, заметив Витю. Затем она нахмурилась, ее пытливый ум явно зацепился за странную атмосферу в палате. — Что с вами такое произошло?

Я, честно говоря, вообще не понял, как и что мне говорить. Чморить Гарри мне не хотелось, но и вежливо отвечать, выставляя Малфоя нормальным человеком, тоже было нельзя.

Но, хвала небесам, наш коммунист нашёлся:

— Спасибо, друзья! Очень мило, что вы так обо мне беспокоились! — проговорил он. — Со мной всё нормально. Седдрик тоже потерял сознание. И Малфой... Магнитные бури, что с них взять? Мы ведь с вами не молодеем...

Гермиона замерла. Книги в ее руках опасно накренились, а на лице отразился такой интенсивный мыслительный процесс, что, казалось, можно было услышать скрип шестеренок.

Она медленно подошла к койке Егора, осторожно, как к взрывоопасному зелью, протянула руку и приложила ладонь к его веснушчатому лбу.

— Магнитные... бури? — слабым, сдавленным голосом переспросила она. — Рон, ты что... читал учебник магловской физики? Какие еще магнитные бури в Хогвартсе, здесь магическое поле искажает всё излучение!

— Что ты сказал? — спросил Поттер, словно пробуя эти слова на вкус. Он нервно поправил сползшие очки. — Рон... ты ударился головой, когда падал? Ты сейчас разговариваешь в точности как Перси! С каких это пор ты вообще волнуешься о здоровье Малфоя?

— Я вообще не волновался о его здоровье! Я просто... констатировал факт его присутствия! — поспешно поправил его Щегол,.

И, видимо, чтобы закрепить успех и окончательно развеять подозрения, наш бравый коммунист развернулся в мою сторону и воскликнул:

— Да мне на него вообще с высокой колокольни чихать! Пошел ты нахрен, Малфой, буржуйская твоя морда!

Я чуть ли не расхохотался от такой формулировки. Витя в обличье Седрика Диггори улыбнулся. А вот Гарри с Гермионой, видимо, не слишком понравилось изречение Щегла.

— Рон... ты в порядке? — с искренним, неподдельным ужасом спросил Гарри, медленно пятясь от друга.

Тяжелые фолианты с оглушительным грохотом выпали из ослабевших рук Гермионы и с грохотом ударились о каменный пол. Но она даже не вздрогнула. Ее карие глаза расширились так, что стали похожи на два галеона. Она уставилась на рыжего парня так, словно у него на лбу вдруг выросла неоновая вывеска.

Спасение явилось в лице мадам Помфри, которая стремительным медицинским бронепоездом вылетела из своего кабинета.

— Так, а ну-ка разошлись! — строго скомандовала медсестра, профессионально, словно стадо непослушных гусей, выталкивая взашей окончательно зависших Гарри и Гермиону. — Пошли вон отсюда, я сказала! Больным требуется полный покой! Никаких визитов!

Тяжелые двери захлопнулись, отрезав нас от шокированных героев канона. Мы снова остались одни.

Витя, с трудом сглотнув, обвел ошарашенным взглядом готические своды Больничного крыла и выдал:

— Ну что ж, господа... Мы, походу, реально в Хогвартсе.

— О, превеликая благодарность тебе, Капитан Очевидность! — язвительно, с чувством глубокого дворянского превосходства отозвался я, поправляя невидимое монокле. — А я-то всё ломал голову: куда это нас занесло? Грешным делом думал, это Тверская областная клиническая больница интерьеры обновила!

— Товарищи, отставить контрпродуктивные прения! — миролюбиво, но веско раскинул руки Егор. — Ситуация критическая, но не безнадежная. Нам нужно срочно проработать план дальнейших действий.

И в этом наш кучерявый... то есть, простите, веснушчатый коммунист был абсолютно прав.

Следующие минут тридцать мы, сбившись в кучу и озираясь на дверь кабинета Помфри, полушепотом проводили экстренный съезд партии попаданцев.

— Итак, на повестке дня три приоритетные задачи, — чеканил Щегол, загибая пальцы. — Во-первых: нам нужно как-то освоить местные средства производства. То бишь, магию. Ну, или хотя бы научиться создавать убедительную иллюзию того, что мы владеем палочками.

— Спешу вас огорчить, господа, — мрачно пробурчал я, скрестив руки на груди. — Лично мой арсенал заклинаний ограничен ровно двумя позициями: «Люмос» и «Авада Кедавра».

Витя нервно хихикнул, представив, как я сдаю экзамены по защите от Тёмных искусств.

— Учтем-с. Практику смертельных проклятий пока отложим, — деловито кивнул Егор. — Во-вторых, нужно решить вопрос с нашей конспирацией. Как мы будем... э-э-э... выживать в этом коллективе. Ясное дело, что в открытую мы тусоваться вместе больше не можем. Это вызовет политический скандал. Я, то бишь Рон, по штатному расписанию обязан вечно таскаться с Гарриком и Гермионой. Наш Седрик — это передовик учебы и первый красавец на селе. Ну а ты, Марсель... — Щегол тяжело вздохнул. — Ты — вообще самый гадский тип во всей Британии.

— Плюс, нам придется как-то контактировать с местным населением! — добавил Витя. — Мы обязаны отыгрывать свои новые социальные роли! Чтобы никто не просек, что мы — это не мы.

— То есть... вы хотите сказать, что мне теперь придется на полном серьезе тусить в подземельях в компании Крэбба и Гойла? — обреченно пробормотал я, чувствуя, как по спине пробежал неприятный холодок. — Деградировать в обществе малолетних чистокровных снобов?

— Зато со своим ненаглядным Снеггом наконец-то познакомишься, — попытался найти плюсы Витя. — Ты же им так восхищался, когда мы кино смотрели. Будешь теперь у него в любимчиках ходить.

— Одно дело — восхищаться тигром в зоопарке по телевизору, и совсем другое — когда этот тигр требует у тебя сварить зелье Живой Смерти, а я даже школьную химию сдал исключительно на везении и харизме! — парировал я, но тут меня осенило. Мои глаза расширились.

— Стоп! Господа! А в какой конкретно исторический период мы, собственно, десантировались? Первый курс? Пятый? Дары Смерти?

— Ну, учитывая, что товарищ Седрик сейчас сидит перед нами живой, здоровый и с идеальной буржуйской укладкой, то максимум — четвертый, — резонно, с аналитическим прищуром рассудил Егор. — «Кубок Огня». Турнир Трех Волшебников, видимо, только-только маячит на горизонте.

— В смысле? А почему именно «максимум четвертый»? — непонимающе моргнул Витя.

И тут в Больничном крыле повисла тяжелая, зловещая пауза.

До нас с Егором одновременно дошла суровая, леденящая душу правда. К нашему великому несчастью, киноман из Вити был так себе — его познания во вселенной Гарри Поттера обрывались ровно на титрах «Узника Азкабана». Он понятия не имел, что произойдет дальше.

Мы медленно переглянулись и с глубочайшим, искренним сочувствием посмотрели на нашего наивного, пуффендуйского товарища.

— Виктор... Как бы тебе это помягче донести... — осторожно начал Щегол. — Понимаешь, сюжет тут такой... жесткий. Не все доживут до титров.

— Короче, Вить, в конце этого года ты умрешь от руки Волан-де-Морта на жутком кладбище, — не выдержал я, решив рубить с плеча. — Причем, возможно, это случится уже в самое ближайшее время. Мои глубочайшие соболезнования.

— ЧЕГО-О-О?! — завопил Витя так, что где-то в совятне наверняка проснулись все совы.

Он подскочил на скрипучем матрасе, как ужаленный, отчаянно хватаясь руками за свою новую, идеально уложенную пуффендуйскую шевелюру.

— Да-да, товарищ. А в качестве прелюдии к этой трагической кончине ты еще и должен будешь участвовать в смертельно опасном Турнире Трех Волшебников, — услужливо, с интонацией экскурсовода добавил Егор, добивая нашего друга окончательно. — Там надо будет драться с драконом, нырять в ледяное озеро к местным русалкам и бегать по лабиринту с агрессивной флорой! Почетная миссия, скажи? Здорово ведь?

— Просто мечта! — истерично взвизгнул Витя. — Ребята, мы обязаны что-то предпринять! Немедленно! Я категорически отказываюсь умирать на каком-то сыром британском кладбище! Я вообще умирать не хочу!

Он в панике заметался по Больничному крылу, путаясь в полах своей черно-желтой мантии, словно собирался прямо сейчас пешком бежать до российской границы.

— Виктор, друг мой, умерьте вашу истерику, вам вредно волноваться, — прервал я эти метания, устало массируя переносицу. — Учитывая всю степень нашего глобального фиаско, наша главная проблема сейчас — это далеко не безносый Темный Лорд.

— А что же тогда?! — в один голос воскликнули «Седрик» и «Рон».

— А то, — мрачно резюмировал я, — что нам бы не то что до третьего этапа Турнира... нам бы банально до завтрашнего завтрака дотянуть и не спалиться в первую же секунду! Вот ты, Егор, — я обличительно указал пальцем на рыжего товарища. — Если ты немедленно не профильтруешь свой забористый «советский» базар, то Гарри с Гермионой раскусят нас быстрее, чем ты успеешь сказать «Слава КПСС». Я уж молчу про Дамблдора! Этот гениальный дед — мозгоправ высшей категории, он же мысли читает! Да он по одной только нашей растерянной походке просечет, что мы не те, за кого себя выдаем!

Щегол почесал свою новую рыжую макушку, явно признавая логичность моих аргументов.

— Ладно, товарищи, панику отставить! — веско постановил наш коммунист, по-хозяйски хлопнув ладонями по коленям. — Стратегию глубокой конспирации будем разрабатывать в полях. Давайте для начала просто штатно выберемся из этой больнички.А там уже начнем действовать в зависимости от оперативной обстановки. Втягиваться в процесс, так сказать.

— Поддерживаю, — кивнул Витя, нервно озираясь на дверь кабинета Помфри.

Спрыгнув со своих больничных коек, мы одернули наши дурацкие, тяжелые мантии. Ощущение было такое, словно мы надели театральные костюмы на три размера больше.

ГЛАВА 4: МЫ В ТЕЛЕ И В ДЕЛЕ

Увы, но мадам Помфри не позволила нам покинуть больничное крыло так быстро, как нам того хотелось бы. Как бы мы её ни убеждали, что полны сил, энергии и комсомольского задора, женщина-кремень отказывалась нам верить и начала профессионально загонять нас обратно в койки.

— Мадам... Знаете, вы в этом своем накрахмаленном чепчике... такая страстная. Такая непредсказуемая! — решил извлечь хоть какую-то пользу из своего образа секс-символа Витя.

Интересно, и почему его чары не сработали? Ума не приложу...

Зато из этого разговора (если эту перебранку можно было назвать разговором) мы выяснили важнейшую стратегическую деталь: какой сегодня день.

— Значит, сегодня самое-самое первое сентября, — облегченно вздохнул Егор, по-турецки устроившись на своей койке после нашей неудачной попытки прорыва. — Только приехали. Там, в Большом зале, сейчас идет приветственный банкет, и старина Дамблдор наверняка как раз толкает свою пафосную речь с трибуны. Эх, а мы всю жратву пропустили...

— Скажи спасибо, что мы вообще десантировались в «Кубок Огня», а не в «Орден Феникса», — заметил я, поправляя зеленый галстук. — Иначе нам бы в этом году пришлось лично познакомиться с мадам Долорес Амбридж. А эта дама в розовом, смею напомнить, пытала студентов.

— Ага, настоящая местная Феогнида Епсиховна! — гоготнул Щегол, вспомнив нашу легендарную, кровожадную учительницу музыки из реального мира. — Так что всё идет строго по плану! Пока что мы на четвертом курсе. Вообще зашибись! До смерти Вити еще ого-го сколько времени! Гуляем!

— Огромное тебе человеческое спасибо, Егор, что напомнил, — глухо донеслось из-под одеяла. Но внезапно Витя резко откинул ткань, и в его глазах вспыхнул огонек надежды. — Слушайте! Точняк! Нам же просто надо подойти к Дамблдору! Он же величайший чародей современности, легилимент и вообще мудрый дед. Объясним ему ситуацию, и он нас быстренько переместит обратно!

— А ведь дело говоришь! — воодушевился Егор, одобрительно щелкнув пальцами. — Молодец, пуффендуец, башка варит! Выйдем на директора, обрисуем оперативную обстановку, и он нас по этапу на родину депортирует!

— Господа, минуточку! — решительно прервал я этот всплеск энтузиазма, скрестив руки на груди. — Вы что, серьезно собираетесь вот так просто отсюда слиться?

Они удивленно уставились на меня.

— Оказаться в самом знаменитом магическом замке планеты и трусливо сбежать к мамам, даже толком ничего не посмотрев и не прожив тут ни единого дня? — возмущенно продолжил я.

— Ну, учитывая нашу тотальную магическую безграмотность, у нас тут больше дня продержаться вряд ли и получится, — усмехнулся Егор, почесывая нос. — Хотя я, конечно, категорически не против задержаться...

— Извините меня великодушно! — перебил его Витя, нервно теребя край мантии. — Конечно, но это не вам двоим в конце учебного года предстоит близкое знакомство со Смертельным проклятием!

— Ребята, поймите, нам выпал исторический шанс!

Я решительно подошел к кровати Вити и по-братски положил руку на плечо.

— Вить, посмотри мне в глаза. Я тебе клянусь: ты не умрешь здесь. Умрет каноничный Седрик, умрет Гарри Поттер, Дамблдор, Волан-де-Морт, да хоть всё Министерство магии в полном составе, кто угодно... но не ты. Тебя мы с Щеглом сбережем любой ценой.

— Клянусь своей палочкой! — Егор вскочил на ноги и торжественно приложил кулак к груди, прямо поверх гриффиндорского герба. — И скажи честно, Раннев: неужто тебе самому не хочется тут потусить подольше? Пообщаться с легендарными персонажами! Пожрать на пирах! Поучиться настоящей магии! Да это же приключение всей жизни!

Витя обвел нас обреченным, но уже не таким паническим взглядом. Его челюсть слегка дрогнула.

— М-да уж... Это какой-то абсолютный, полный пипец, — пробормотал он, слабо, но искренне улыбнувшись.

— Настоящий magic! — подмигнул я ему. — Ну что, джентльмены? Мы в деле?

Я решительно вытянул руку вперед. Егор, не раздумывая ни секунды, с громким хлопком накрыл мою ладонь своей.

Витя медлил.

— А-а-а-а, ну вас к черту! — наконец весело воскликнул Витя и решительно накрыл наши ладони своей. — Давайте! Хогвартс еще не знает, с кем связался!

На том мы торжественно и порешили.

Спустя минут десять из своего кабинета снова вынырнула мадам Помфри. На этот раз она устроила нам настоящий медицинский допрос с пристрастием, чтобы окончательно удостовериться в нашей вменяемости.

Учтя прошлые ошибки, мы больше не устраивали самодеятельности и включили режим максимальной маскировки. Я кривил губы и смотрел на всё с легкой брезгливостью истинного наследника рода Малфоев. Щегол старательно сутулился и смущенно бубнил. А Витя излучал такую честную, благородную улыбку, что от нее в палате, казалось, стало светлее.

Удовлетворившись нашим спектаклем и влив в нас напоследок еще по мензурке какой-то зеленоватой дряни, мадам Помфри наконец-то кивнула.

— Ну, вижу, вы окончательно пришли в себя, — с облегчением вздохнула она, складывая пустые склянки. — Наверняка ваши обмороки и то странное поведение — это всё следствие чрезмерного волнения и переутомления в «Хогвартс-экспрессе». Подростковые гормоны, ничего не попишешь. Ну всё, можете идти в Большой зал на пир в честь начала учебного года.

— То есть, мы пропустили только распределение мелкоты по факультетам? И еда еще там? — радостно спросил Щегол.

— Ну да. Еда еще там, — усмехнулась санитарка, покачав головой. — Всего доброго. Не опоздайте, молодые люди, а то директор уже собирается сказать несколько слов!

Она махнула нам рукой, отпуская на все четыре стороны.

Теперь перед нами была следующая проблемка — найти Большой зал.

— Идем на шум и запах жареных сосисок! — вдохновенно провозгласил Егор, задрав голову втягивая носом воздух.

— Товарищ, ты как-то слишком быстро вжился в роль вечно голодного Уизли, — усмехнулся я.

— Во-первых, хороший аппетит еще никому не вредил, а только способствовал наращиванию массы! — парировал Щегол. — А во-вторых... стоп, пацаны. — Он резко остановился и посмотрел на нас с предельной серьезностью. — Давайте-ка с этой секунды называть друг друга исключительно по именам персонажей. Стены тут древние, акустика отличная, картины ушастые, мало ли кто подслушает.

— Разумное замечание... Рон, — солидно кивнул Витя, примеряя новое имя. И тут же осекся, словно натолкнулся на невидимую стену. Лицо пуффендуйского чемпиона вытянулось. — Слушайте... Стоп. А где же Антон Павлович?! И... девочки?

Мы встали как вкопанные.

До этого момента наш мозг отчаянно пытался переварить сам факт перемещения, но теперь на нас обрушились детали.

— Ох, ничего себе... — Витя побледнел. — Парни, как вы думаете, в кого могла вселиться моя Вика? Умоляю, только бы не в Макгонагалл!

— Очень интересный вопрос, — задумчиво протянул я, чувствуя, как у самого по спине пробежал холодок при мысли о том, чье именно тело в этом дурдоме могла занять Диана. — Так, джентльмены. Без паники. Сейчас нам просто жизненно необходимо прорваться в Большой зал. Весь педагогический состав и все ученики собрались там на пир. Сядем по своим местам и попытаемся вычислить наших нелегалов методом визуального наблюдения.

И вот, ведомые исключительно инстинктом выживания и феноменальным желудочным компасом «Рона», мы петляли по коридорам, пока наконец не добрались до исполинских, приоткрытых дубовых дверей Большого зала.

Из щели вырывался яркий золотистый свет и оглушительный гул сотен голосов.

— Так, господа, минуточку внимания, — суровым шепотом скомандовал я, останавливая своих спутников. — Предлагаю уже с этой секунды начать привыкать к суровой реальности: мы с вами больше не друзья. Слизерин, Гриффиндор и Пуффендуй не ходят в столовую за ручку. Давайте-ка войдем по отдельности, выдержим паузу, чтобы не привлекать внимания.

— Ну Драко-о-о... — страдальчески закатил глаза Витя, переминаясь с ноги на ногу.

— Да какая, к черту, разница, как мы войдем?! — сварливо отозвался Егор.

Я уже набрал в грудь воздуха, чтобы прочитать ему лекцию о правилах глубокой конспирации, как вдруг гул за дверями мгновенно стих.

Повисла торжественная тишина. А затем из-за дубовых створок донесся усиленный магией, звучный голос, вне всяких сомнений принадлежавший великому Альбусу Дамблдору:

— Скажу вам только одно — ешьте!

Грянул шквал аплодисментов и звон внезапно появившейся на тарелках золотой посуды.

— Слышали батю?! Приказ ясен! — воскликнул Щегол.

Окончательно наплевав на всю мою хваленую конспирацию, наш рыжий пролетарий толкнул тяжелую дубовую дверь плечом и уверенным, широким шагом ввалился в Большой зал.

Сотни учеников дружно повернули головы в сторону входа. Увидев такое количество зрителей, Витя машинально спрятался за дверью. Я же благоразумно отступил чуть-чуть в спасительную тень коридора.

— Ну, иди же! — одними губами, яростно жестикулируя, приказал я нашему пуффендуйскому чемпиону.

Но Витя лишь отчаянно замотал головой.

— Ну и хрен с тобой. Сиди голодный, — прошипел я.

С этими словами я выпрямил спину, вздернул подбородок и, нацепив на лицо самое надменное, холодное и брезгливое выражение, величественно шагнул в Большой зал.

Теперь тысячи глаз уставились и на меня. За столом преподавателей тоже началось легкое оживление. Строгая женщина в изумрудной мантии (судя по всему, профессор Макгонагалл) сурово поджала губы, неодобрительно глядя на наше опоздание. Великий и ужасный Дамблдор с легким любопытством поблескивал очками-половинками с высоты своего золотого трона.

Я краем глаза следил за Егором. Наш невозмутимый коммунист, абсолютно игнорируя шокированные взгляды, пер к столу с красно-золотыми знаменами. Добравшись до Гарри с Гермионой, он молча, по-хозяйски плюхнулся на скамейку рядом с ними, немедленно придвинул к себе здоровенное блюдо с отбивными и вонзил вилку в ближайший кусок мяса. Судя по вытянутым лицам каноничных героев, пока что Егор возбудил в них не подозрения в подмене личности, а лишь искреннее изумление из-за того, что он пришел так поздно.

Мой же путь лежал к столу с зелено-серебряными скатертями.

Я окинул взглядом Слизерин. Школьники расступались передо мной, освобождая место. Я грациозно опустился на свободную скамью. Слева и справа тут же материализовались две устрашающего вида гориллы, методично уничтожающие куриные окорочка. Сомнений не было — Крэбб и Гойл. Моя личная свита.

Но не успел я с облегчением выдохнуть и потянуться к кувшину с тыквенным соком, как на мою правую руку с радостным писком обрушилось нечто тяжелое и пахнущее приторными цветочными духами.

— Драко! О, Мерлин, наконец-то! Я так за тебя переволновалась! — проворковал над самым моим ухом девичий голос.

Я скосил глаза. На моем плече висела темноволосая девица с чертами лица, неуловимо, но весьма навязчиво напоминающими физиономию мопса. Пэнси Паркинсон. Та самая главная фанатка и, судя по всему, моя местная «дама сердца».

Не, ну что сказать... Не Мэрилин Монро, к сожалению. Но, знаете ли, могло быть и хуже. В принципе, учитывая моё абсолютно безвыходное положение, сойдет и она. Жаловаться объективно не на что. Хотя выбора-то у меня толком и нет, так что вообще норм. Стерпится-слюбится, как говорится.

Я аккуратно снял её ладонь со своего рукава и вальяжно откинулся на спинку скамьи.

— Пэнси, крошка, — медленно проговорил я. — Я сейчас чертовски голоден. Сама понимаешь, разве с этим тупоголовым Уизли по соседству можно было нормально поесть? Аппетит от его рыжей физиономии пропадает мгновенно.

Пэнси понимающе и с еще большим обожанием вздохнула, бросив на стол Гриффиндора уничтожающий взгляд. Крэбб и Гойл, чьи жевательные процессы на секунду прервались, согласно заухали, подтверждая, что Уизли действительно портит аппетит.

«Боже, мне бы актером стать! Дайте мне Оскар прямо сейчас!» — самодовольно подумал я, нарезая себе кусок стейка.

Шалость определенно удалась. Конспирация работала как швейцарские часы.

Не успел я нарезать стейк, как за преподавательским столом со своего золотого трона поднялся Альбус Дамблдор.

— Теперь, я надеюсь, все в сборе? — мягко, но так, что было слышно в каждом уголке, спросил директор, дождавшись, пока мы с Егором окончательно устроимся на своих местах.

— Простите! Опоздал! — гулко донеслось от самого входа.

Створки дверей распахнулись шире, и на свет тысяч свечей шагнул Седрик Диггори.

Добрая половина женского населения Хогвартса синхронно, с трепетным придыханием выдала массовое: «О-о-о...». За столом Когтеврана миловидная азиатка с длинными черными волосами — очевидно, та самая Чжоу Чанг — мгновенно залилась густым румянцем и послала ему робкую, счастливую улыбку.

Окинув этот женский цветник взглядом, Витя тяжело, обреченно вздохнул.

Засунув руки в карманы мантии, он медленно, чеканя шаг, пошел вперед к своему пуффендуйскому столу. Лицо при этом у него было абсолютно каменное — за весь путь оно ни разу не изменилось, сохраняя задумчиво-напряженное, почти суровое выражение. Он смотрел строго перед собой, игнорируя вообще всех.

Слизеринки за моим столом перешептывались о том, какой Диггори сегодня «загадочный и мужественный». Я лишь мысленно хмыкнул. Знаем мы этого мужественного. Он просто боится, что Вика узнает. Но для сохранения конспирации — сойдет и так. Весьма неплохо.

Краем глаза я заметил, что за столом Гриффиндора за Витей пристально наблюдает Гарри Поттер. Наш Щегол рядом с ним в этот момент увлеченно утрамбовывал в себя уже третью картофелину, игнорируя чужую драму.

Тем временем Дамблдор, дождавшись, пока наш каменный пуффендуец сядет за стол, вновь привлек к себе внимание Зала.

— Что ж! — голос директора эхом разнесся под заколдованным потолком, на котором сейчас мерцали безмятежные звезды. — Теперь, когда наши желудки полны...

И вдруг его речь была грубо прервана. Со стороны парадного входа донеслись какие-то странные звуки: странный шум, глухая возня, пыхтение... А затем густой, слегка заплетающийся, но удивительно душевный баритон с надрывом затянул на весь Большой зал:

Отцвели-и-и-и уж давно-о-о-о-о...

Хризанте-е-е-е-мы в саду-у-у-у-у...

А любо-о-о-овь всё живё-о-о-о-от...

В моём се-е-е-рдце-е-е-е больно-о-о-ом!

Зал оцепенел. Золотые кубки замерли в воздухе на полпути ко ртам. Дамблдор удивленно моргнул.

Створки дверей распахнулись настежь. На пороге возникла красная, растрепанная и тяжело дышащая мадам Помфри. Из последних сил она поддерживала за торс высокую мужскую фигуру, облаченную в длинную черную мантию, которая сейчас болталась на нем как на вешалке.

— Профессор Снегг?! — синхронно, в едином порыве изумления ахнули сотни учеников и учителей.

Гроза Хогвартса, повелитель зелий и самый жуткий преподаватель школы, тяжело опирался на плечо медсестры. Его обычно прилизанные черные волосы торчали во все стороны, бледные щеки залил нездоровый румянец, а взгляд был мутным, но каким-то невыносимо добрым и просветленным. Губы грозного профессора складывались в такую дибильную улыбку, которую мог выдать только один человек в мире.

— Извините, господин директор... — пропыхтела мадам Помфри, пытаясь удержать Снегга в вертикальном положении. — Я нашла профессора в его кабинете... Ему нехорошо...

— Мне великолепно-о-о-о! — восторженно возвестил Снегг на весь зал и попытался послать воздушный поцелуй профессору Макгонагалл.

Глядя на эту живописную картину, я почувствовал, как у меня внутри с громким хрустом что-то оборвалось.

Чёрт возьми... Ну почему в Снегга?! Из всех возможных людей! В моего любимого персонажа — такого сложного, такого сурового, такого невыносимо крутого бэтмена магического мира... вселился наш нетрезвый Антон Павлович?!

Краем глаза я заметил, как за столом Гриффиндора Егор подавился сосиской, а за столом Пуффендуя Витя с громким стуком уронил лоб прямо в пустую золотую тарелку.

Мадам Помфри попыталась было утянуть его обратно в коридор, но наш бравый препод внезапно обрел богатырскую силу. Он царственным жестом вырвал свой локоть из рук медсестры, взмахнул широченным черным рукавом мантии и обвел остолбеневший зал мутным, но горящим взором.

— Танцуют все! — рявкнул Снегг на весь Большой зал.

Студенты от ужаса вжались в скамейки, ожидая, что после этих слов из палочки Мастера Зелий полетят смертельные проклятия. Но Антон Павлович, тяжело притопнув ногой в черном ботинке, внезапно поймал ритм и радостно грянул:

— Вдруг как в сказке скрипну-у-у-ула дверь! Всё мне ясно стало-о-о-о теперь!!

Над Большим залом повисла такая тишина, что было слышно, как на соседнем столе шуршит крыльями муха.

Профессор Флитвик, сидевший на стопке книг, издал тихий писк и медленно сполз под преподавательский стол. Профессор Макгонагалл побледнела до цвета свежего пергамента и судорожно схватилась за сердце, явно прикидывая, не подсыпали ли Северусу в тыквенный сок мощнейшего приворотного зелья, смешанного с ядом. За столом Гриффиндора Гарри Поттер

так сильно сжал кубок, что тот погнулся — наверняка Мальчик-Который-Выжил был на сто процентов уверен, что перед ним какой-то новый изощренный вид Темной магии.

Моя рука медленно поползла к лицу, чтобы слиться с ним в вечном фейспалме. Образ моего холодного, загадочного кумира трещал по швам и рассыпался на советские шлягеры. Краем глаза я увидел, как Егор-Рон уткнулся лицом в тарелку, беззвучно трясясь от истерического хохота.

Всё зависело от одного человека. И этот человек сидел в самом центре зала.

Альбус Дамблдор молчал ровно пять секунд. Он невозмутимо смотрел поверх своих очков-половинок на раскачивающегося в дверях Ужаса Подземелий, распевающего «Звенела январская вью-ю-юга!».

— Поразительно... — задумчиво, с искренним восхищением произнес Дамблдор, перекрывая гул шепотков. — Как всё-таки благотворно порой влияют на душу древние славянские мантры! Я всегда подозревал, что глубоко внутри профессора Снегга скрывается тонкая, музыкальная натура, требующая творческого выхода. Десять очков Слизерину за великолепное приобщение нас к фольклору!

За столом Слизерина кто-то неуверенно захлопал (кажется, это был Гойл, который просто реагировал на слово «очки»).

— Красава, Дублидор! Уважаю! — восхищенно гаркнул Лже-Снегг и с силой хлопнул в ладоши.

Тут уж я категорически не выдержал.

— Дам-бл-дор! — я выразительно пошевелил губами.

— Дублидор! — упрямо возразил Снегг вслух.

— Дамблдор! — еще громче и злее засипел я.

— Да был же Дублидор... — искренне, чуть ли не с обидой озадачился Лже-Снегг.

— ДА-МБЛ-ДОР!!! — почти срываясь на ультразвук, прошипел я, вцепившись в край стола.

Антон Павлович снисходительно вздохнул и махнул на меня рукой.

— Ладно, спорить не буду. Надо бы в блокнот записать, а то я ваши эти заморские кликухи всё равно в жизни не запомню, — беззаботно, не снижая громкости, отозвался Ужас Подземелий.

После чего он неуклюже отвесил опешившему директору кривоватый, но глубокий поклон, развернулся и, слегка путаясь в собственной мантии, удалился в боковую дверь для преподавателей. Ушел, значит, отсыпаться.

Повисла звенящая тишина. Никто не мог вымолвить ни слова.

Ну почему, скажите мне, почему в этой жизни мне всегда приходится всё делать самому?

Я с тяжелым вздохом расправил плечи и поднялся из-за стола Слизерина.

— Уважаемые преподаватели и сокурсники! — громким голосом провозгласил я. — Прошу понять и простить профессора Снегга. Дело в том, что я решил от всей души поздравить его с первым сентября, подарив ему одно экспериментальное тонизирующее зелье, приготовленное мною за лето. И... видимо, я слегка напутал с пропорциями и добавил что-то не то. Я искренне каюсь.

Учительский стол ошеломленно захлопал ресницами. Поверить в то, что Малфой дарит Снеггу подарки, было сложно, но ничего лучше я на ходу выдумать не мог.

Но на этом я решил не останавливаться.

— Однако этот цирк произошел не только из-за меня! В этом замешан... Рон Уизли!

Тут Щегол поперхнулся.

— Я видел, как Уизли что-то подсыпал профессору Снеггу, пока я шел сюда!

— ЛЖЁШЬ, СОБАКА! — громогласно гаркнул Егор, резко вскочив со скамейки.

— Всем известно, что ты и твоя дрянная компашка на дух не переносите профессора Снегга! — продолжал я, окончательно поймав вдохновение и наслаждаясь ролью. — Наверняка, Поттер с Гермионой помогли тебе в твоем подлом замысле, чтобы отомстить декану! А я всё видел! Слизеринцы — мудрый народ, нас не проведешь!

За столом Гриффиндора начался форменный локальный апокалипсис.

Гарри Поттер, побагровев от ярости, вскочил рядом со своим лучшим другом.

— Ты совсем рехнулся, Малфой?! — заорал Избранный на весь зал. — Рон вообще не подходил к подземельям! Он всё время был в Больничном крыле! Это ты всё подстроил, чтобы свалить на нас!

— О, Мальчик-Который-Выжил наконец-то проснулся! — хехекнул я, улыбнувшись и вальяжно облокотившись на стол Слизерина. — Только не надо тут орать на меня. Всем прекрасно известно, какие у тебя «теплые» отношения с профессором Снеггом. Как ты его обожаешь. А ведь профессор, между прочим, тебе жизнь спасал! И не раз!

Зал ахнул. Гарри осекся, словно с разбегу налетел на кирпичную стену. Его челюсть слегка отвисла.

— А кто, позвольте спросить, читал контрзаклятие, когда чокнутый Квиррелл заколдовал твою метлу на первом курсе?! — с драматичным пафосом продолжал я, окончательно войдя во вкус театральной постановки. — А кто в прошлом году закрыл вашу неблагодарную гриффиндорскую троицу своей мантией от оборотня, м?! Рисковал ради вас собой! А вы ему в качестве «спасибо» какую-то дрянь в кубок подсыпали! Истинное коварство!

Гермиона побледнела как полотно и медленно осела на скамейку.

Поттер таращился на меня с мистическим ужасом.

— Ты... откуда ты знаешь?! — сглотнув, прохрипел он, переводя дикий взгляд с меня на Егора, который тоже был шокирован моим спичем.

— Я просто очень начитанный юноша, Поттер, — хмыкнул я.

За столом Пуффендуя Витя-Седрик, раскрыв рот, наблюдал за нашими дебатами.

— Достаточно! — прогремел голос Альбуса Дамблдора.

Старец плавно поднялся со своего трона, поднимая руки и призывая всех к тишине.

— Потрясающая, поистине шекспировская драма развернулась перед нашими глазами, — добродушно пророкотал Дамблдор, разглядывая меня с явным, абсолютно новым интересом. — Благодарю вас, мистер Малфой, за ваше мужественное признание в незаконном летнем зельеварении и... феноменальную осведомленность. Десять очков Слизерину за честность! И минус десять очков за эксперименты на преподавателях.

Я сдержанно кивнул. Идеальный баланс сохранен.

— Что же касается мистера Уизли... — директор перевел лукавый взгляд на пунцового Щегла, — то я вынужден снять с Гриффиндора пять очков за весьма экспрессивную... собачью терминологию. Инцидент исчерпан. Садитесь.

Я сдержанно, по-королевски кивнул. Идеальный баланс сохранен.

Гарри, тяжело дыша и сверля меня взглядом, в котором мешались гнев и абсолютный, парализующий страх перед моим всезнанием, неохотно опустился на лавку.

Рядом с ним Егор, дабы поддержать легенду и свой гнев, начал сердито бубнить что-то про «возмутительную клевету» и «провокации», но Гермиона лишь отмахнулась от него рукой. Она смотрела в пустую золотую тарелку и продолжала лихорадочно что-то бормотать. Да и вообще, за всем гриффиндорским столом поднялось небывалое, тревожное волнение.

А вот за моим столом картина была кардинально иной. Слизеринцам мое триумфальное выступление явно пришлось по душе. Крэбб и Гойл уважительно, по-медвежьи заухали, кто-то из старшекурсников одобрительно постучал кубком по столу, а Пэнси Паркинсон посмотрела на меня с таким щенячьим обожанием, что я поспешил немедленно опустить взгляд в тарелку.

Дамблдор с довольным видом разгладил серебристую бороду.

— А теперь, когда все тайны раскрыты, я продолжу. В этом году Хогвартс станет домом для...

БУМ!

Оглушительный раскат грома потряс древние каменные стены замка. Заколдованный потолок мгновенно почернел, заклубившись грозовыми тучами. Яркая вспышка молнии разорвала темноту над нашими головами, заставив многих первокурсников взвизгнуть.

Дубовые двери Большого зала, только-только закрывшиеся за Антоном Павловичем, с жутким металлическим лязгом распахнулись вновь.

На пороге стоял мужчина, тяжело опирающийся на длинный деревянный посох. Каждый дюйм его шрамами исполосованного лица кричал о смертельной опасности. И самое жуткое — один из его глаз был ярко-голубым, огромным и безостановочно, параноидально вращался в глазнице, сканируя притихший зал.

«А вот и Грозный Глаз Грюм приполз», — подумал я, с интересом рассматривая его лицо, которое выглядело так, словно его вытесали из старого полена тупым топором.

Грюм подошёл к Дамблдору и протянул ему руку, такую же исполосованную шрамами, как и лицо. Директор пожал её, негромко сказав при этом несколько слов. Дамблдор кивнул и жестом пригласил его на свободное место по правую руку от себя.

Незнакомец тяжело опустился на стул, отбросив с лица длинные сивые патлы, и тут же, не обращая ни на кого внимания, пододвинул к себе тарелку с сосисками.

— Позвольте представить вам нашего нового преподавателя Защиты от Темных искусств, — жизнерадостно объявил Дамблдор в наступившей звенящей тишине. — Профессор Грюм.

Мы с Егором, как люди начитанные, синхронно занесли руки для бурных оваций — мы-то прекрасно знали всю невероятную крутизну данного персонажа (пусть даже сейчас под его личиной скрывался поехавший Пожиратель Смерти). Но наши ладони зависли в воздухе в миллиметре друг от друга.

Мы вовремя остановились. В огромном зале никто не хлопал, кроме самого Дамблдора и Хагрида. Остальные студенты взирали на нового преподавателя с немым первобытным ужасом. Чтобы не спалиться, я изящно превратил незавершенный хлопок в элегантное поправление прически, а Щегол за столом Гриффиндора сделал вид, что просто ловит невидимую муху.

Я скосил глаза на стол Пуффендуя. Бедный Витя смотрел на нового препода с таким шоком, будто за преподавательский стол уселся лично Фредди Крюгер.

Грюм тем временем достал из-под мантии помятую фляжку и сделал большой глоток. Его волшебный ярко-голубой глаз сделал дикий оборот на триста шестьдесят градусов и внезапно — щелк! — намертво зафиксировался на столе Гриффиндора. А точнее, на Егоре, который с невозмутимым видом доедал картошку.

Дамблдор деликатно кашлянул, вновь привлекая к себе внимание Зала.

— Как я уже говорил до появления нашего дорогого коллеги, — с теплой улыбкой продолжил директор, — в этом году Хогвартс ждет нечто совершенно особенное. Обычного чемпионата по квиддичу не будет. Зато в предстоящие месяцы в этих стенах состоится событие, какого не было уже больше века. С огромным удовольствием объявляю... что в этом году в Хогвартсе пройдет Турнир Трех Волшебников!

Зал взорвался. На этот раз хлопали, кричали, ахали и перешептывались абсолютно все. За моим столом слизеринцы азартно забили кубками по дереву. Гарри и Рон (то есть, Егор) вытянули шеи, слушая о грядущем прибытии делегаций из Шармбатона и Дурмстранга.

Дамблдор театрально выдержал паузу, позволив слухам стихнуть, и рассказал о призе — Кубке, вечной славе и тысяче галлеонов.

— Однако, — директор строго поднял палец, и его голос помрачнел. — Учитывая высокую смертность в турнирах прошлых лет, Министерство Магии приняло новые правила без-

опасности. Участвовать в Турнире смогут только ученики, достигшие семнадцатилетнего возраста!

Возмущенный вой прокатился по Залу. Гарри и многие гриффиндорцы разочарованно застонали.

Зато я сразу нашел взглядом Витю. Каноничному Седрику Диггори как раз уже исполнилось семнадцать, он подходил под все критерии. И наш Витя прекрасно это понимал.

Я послал ему через весь зал ободряющий взгляд, который должен был значить: «Держись, брат, мы что-нибудь придумаем». Хотя, честно говоря, у меня пока не было ни малейшего понятия, как мы будем отмазывать Витю от дракона без знания магии.

— Ну что ж! А теперь, пока делегации еще не прибыли, а ваши животы полны, предлагаю отправиться по кроватям! Спокойной ночи! — радостно закончил Дамблдор, взмахнув руками.

Ученики с шумом начали подниматься со своих мест. Пир окончен.

В бурлящей толпе школьников я поймал взгляд Егора. Наш суровый коммунист незаметно показал мне два больших пальца в знак высочайшего одобрения нашей театральной схватки. В ответ я лишь едва заметно мотнул головой в сторону темного угла за тяжелым гобеленом. Тот же тайный знак я подал плетущемуся к выходу Вите.

Через минуту, нырнув в спасительный полумрак сырого коридора, мы сбились в кучу.

— Пацаны, вы просто монстры конспирации! — нервно, но восхищенно выдохнул Витя, оглядываясь по сторонам. — Так всё здорово разыграть! И перекались так убедительно, я на секунду реально поверил, что вы сейчас друг другу глотки перегрызете!

— М-да уж, Марсель, не ожидал я от тебя такой подставы, — хмыкнул Щегол. — Я его, понимаешь, выручаю, подыгрываю, а он меня на всю школу собакой-отравителем выставил! Вот она — гнилая сущность аристократии!

— Искусство требует жертв, товарищ Уизли. Впрочем, каюсь, было эпично, — скромно согласился я, поправив галстук. — Но сейчас не время почивать на лаврах. Я прямо сейчас иду к нашему ненаглядному Снеггу. Надо экстренно с ним переговорить и прояснить ситуацию, пока он там в порыве ностальгии не спел Макгонагалл «Очи черные». Постарайтесь не спалиться перед старостами. Если сможете отвязаться от своих — подтягивайтесь.

Не дав им опомниться и начать возражать, что бродить по ночному Хогвартсу в первый же день — это самоубийство, я эффектно взмахнул черной мантией и зашагал прочь.

ГЛАВА 5: ПЛАН ПО ПЛАНУ

Сказать «пойду к Антону Павловичу» было легко. А вот найти его кабинет в этом архитектурном кошмаре — совершенно другая задача.

Пришлось включить логику. Раз я слизеринец, а Снегг наш декан, значит, мне нужно двигаться туда же, куда идет вся толпа в зелено-серебряных галстуках. То есть — вниз.

Я пристроился в хвост слизеринской колонны и начал плавно спускаться в подземелья. Чем ниже мы спускались, тем холоднее и сырее становились каменные стены. Факелы отбрасывали жутковатые, дергающиеся тени.

Где-то на полпути ко входу в гостиную я резко затормозил у одной из массивных дубовых дверей, благоразумно пропустив толпу своих «сокурсников» вперед и спрятавшись за колонной от навязчивой Пэнси Паркинсон (которая пыталась найти меня взглядом, чтобы, видимо, пожелать спокойной ночи).

Когда шаги слизеринцев стихли вдали, я остался один в тускло освещенном коридоре. Интуиция подсказывала, что кабинет Зельеварения и личные покои Мастера Зелий должны быть где-то здесь.

Я подошел к самой мрачной, неприступной деревянной двери. Сердце всё-таки немного екнуло. Глубоко вдохнув, я решительно постучал костяшками пальцев по толстому дереву. Три коротких удара.

За дверью что-то звякнуло, упало, раздался тяжелый вздох, и знакомый басовитый голос рявкнул:

— Кого там еще дементоры принесли на ночь глядя?! Если это вы, Филч, то моя дверь не нуждается в полировке! Идите к черту спать!

Ухмыльнувшись, я уверенно толкнул тяжелую дверь и шагнул внутрь.

Кабинет Зельеварения чутка смахивал на наш родной школьный кабинет химии, только возведенный в абсолют готического мрака. Полутьма, каменные своды, а вдоль стен тянулись бесконечные стеллажи, густо уставленные пузатыми склянками и мутными банками, в которых плавали чьи-то не очень симпатичные заспиртованные органы.

В центре этой обители мрака, за массивным дубовым столом, восседал сам Ужас Подземелий.

От былого удалого веселья и песен про хризантемы не осталось и следа. Лицо профессора было мрачным и усталым. Очевидно, наступило похмелье от «Неёловского».

Учитель сидел, ссутулившись, и двумя бледными, изящными пальцами интенсивно массировал себе виски.

— Что ты тут шныряешь после отбоя? — глухо рявкнул Снегг. — Я сейчас абсолютно не в настроении для светских бесед! Пшёл вон спать, малой!

— Не малой, а Малфой, — деликатно, с вежливой полуулыбкой поправил я его, неспешно подходя ближе к столу. — А если уж быть до конца откровенным, Антон Павлович, то не Малфой, а Марсель. Марсель Беляев.

Услышав эту знакомую земную фамилию, Гроза Хогвартса так резко дернулся, что чуть не снес локтем бронзовую чернильницу. Он вскинул голову.

— Марсель?! — выдохнул препод. — Беляев?! Это... это реально ты, что ли?!

— Я собственной персоной, — ответил я, присаживаясь на край свободной парты и отодвигая в сторону какую-то заспиртованную мерзость в банке. — А где-то там по коридорам сейчас бегают Егор и Витя. В телах Рона Уизли и Седрика Диггори соответственно. Возможно, скоро явятся сюда, если позволят обстоятельства.

— Уизли и Диггори? Понятно... — англичанин озадаченно почесал затылок . — А девочки? Диана с Викой?

— Вот тут заминка, — я развел руками. — Пока что мы их не обнаружили. Но, Антон Павлович, можно я сначала задам вам один очень важный вопрос?

— Ну, валяй, — поморщился он, потирая пульсирующие виски.

— Вы фильмы про «Гарри Поттера» вообще хоть раз в жизни смотрели?

— Обижаешь! Конечно смотрел! — оскорбленно фыркнул англичанин. — Правда... очень давно. Под Новый год крутили.

— Так какого же черта вы устроили там, в Большом зале, этот цирк с коверканьем имени директора?! — воскликнул я, всплеснув руками.

— Я что... Дублидора обидел? — учитель испуганно приложил пальцы ко рту.

В этот момент я был готов наброситься на него и задушить.

— Вы попали в тело моего любимого персонажа... — выдохнул я, изо всех сил пытаясь говорить без ярости. — Вы — Северус Снегг! Вы Ужас Подземелий! Вы летучая мышь-переросток, которая одним взглядом заставляет детей падать в обморок! А вы... Видели бы вы, что вы там устроили...

— Я... кажется, пел? — робко, с интонацией нашкодившего школьника в кабинете завуча, спросил наш бывший препод. — Про хризантемы, да?

— Директор, хвала небесам, обладает специфическим чувством юмора, — язвительно доложил я. — Но мне пришлось на глазах у всей школы импровизировать и брать вину на себя! Я заявил, что вы отравились моим самодельным подарочным зельем.

Снегг-англичанин несколько секунд переваривал эту информацию, а затем его лицо расслабилось. Он слабо, но с уважением улыбнулся.

— Беляев, ну ты молодец. Настоящий мужик, — он с достоинством кивнул. — Ставлю тебе «отлично» за находчивость в нестандартных ситуациях. Можешь гордиться.

— Премного благодарен. А теперь давайте перейдем к главному, — я спрыгнул с парты и оперся руками о стол. — Нам надо как-то возвращаться домой. В этот квас, как я понимаю, вы что-то намешали?

Антон Павлович глубоко вздохнул, окинул взглядом ряды склянок в кабинете и потер подбородок.

— Понимаешь ли, Марсель... В чем ирония судьбы, — начал он, разглядывая банку с маринованными жабьими глазами. — Раз уж меня закинуло в тело Мастера Зелий, мы технически можем сварить всё что угодно. Хоть ракетное топливо. Проблема в другом.

— В чем же? — напрягся я.

— Рецепт этого кваса — великая тайна моего друга Алексея Сергеевича, — скорбно признался препод. — Я помню только то, что туда входили дрожжи, экстракт полыни, ржаные сухари и... что-то еще, что он притащил из стоматологической клиники. Нам придется сильно попотеть, чтобы воссоздать эту дрянь из местных магических корешков.

— Ну и чудесно, — отозвался я, стряхивая пылинку с мантии. — Мы, конечно, особо никуда не торопимся, замок красивый, кормят на убой... Но чем скорее мы сварим вашу бормотуху, тем лучше. Видите ли, на горизонте маячит Турнир Трех Волшебников, на котором наш Витя, согласно канону, должен склеить ласты и сгинуть во цвете лет. Так что затягивать с депортацией категорически не стоит.

Антон Павлович нахмурился, переваривая эту информацию, но ответить не успел.

Тяжелая дверь кабинета с тихим скрипом приотворилась. В образовавшуюся щель сначала просунулась огненно-рыжая голова, затем огляделась, и следом в подземелья бочком ввалились Рон Уизли и Седрик Диггори.

— Здравия желаю, товарищи трудящиеся! — бодро отсалютовал Егор, принимая стойку смирно.

— Еле-еле смогли выбраться и найти дорогу в этот подвал, — Витя привалился к двери и с облегчением сполз по ней спиной, пытаясь отдышаться. — Нас какой-то местный хро-

мой сторож... Филч, кажется... чуть не засек. Вынюхивал нас вместе со своим пушистым шкурьём-дурьём — миссис Норрис!

Переведя дыхание, пуффендуйский чемпион поднял взгляд на преподавателя, сидящего за столом.

— Антон Павлович! — лицо Вити расплылось в широкой, немного нервной улыбке. — Ну вы даёте... Ваше музыкальное выступление в Большом зале... это просто отвал башки! Фредди Меркьюри бы рыдал от зависти!

Ужас Подземелий, скрестив руки на груди, мрачно оглядел вошедшую парочку. Его черный взгляд (всё-таки магия внешности Снегга работала безотказно) заставил Витю слегка поежиться и втянуть голову в плечи по старой школьной привычке.

— Сидоров? Раннев? — уточнил препод, потирая переносицу. — Мать честная... Раннев в теле местного секс-символа, а Сидоров — лучший друг Поттера. Ну дела-а-а.

— Ага! Наша агентурная сеть проникла в самые верха местной буржуазии! — гордо подтвердил Щегол, по-хозяйски усаживаясь на свободный стул рядом со мной.

— Радоваться рано, агентура, — осадил его Антон Павлович, тяжело опираясь локтями о стол. — Раз уж мы все тут оказались, давайте смотреть правде в глаза. Ваше возвращение домой я беру на себя. Буду по ночам алхимичить и пытаться сварить этот Неёловский квас. Но до тех пор нам нужно не спалиться перед директором Дубли... тьфу ты, Дамблдором.

— И как мы это сделаем, позвольте поинтересоваться? — резонно спросил я. — Мы, если вы не забыли, понятия не имеем, как махать этими деревянными палками.

Антон Павлович вдруг резко побледнел. В его глазах мелькнула паника.

— Вы-то ладно, вытащите на смекалке, — сиплым шепотом произнес Ужас Подземелий, медленно обводя взглядом свой мрачный кабинет, забитый котлами, ингредиентами и непонятными весами. — А вот мне завтра с утра... вести у вашей оравы уроки Зельеварения.

Мы втроем замерли.

— И? В чем проблема, Антон Палыч? — не понял Егор. — Выдадите всем по двойке, скажете читать параграф до посинения, а сами будете за столом кроссворды гадать. Классика же!

— Проблема, Сидоров, в том, — с отчаянием выдохнул Снегг, хватаясь за свои сальные черные волосы, — что я — учитель АНГЛИЙСКОГО! Я могу научить вас правилу «Present Perfect»! Но я понятия не имею, как сварить Зелье забывчивости и чем отличается корень златоцветника от настойки полыни! Завтра на первом же уроке я либо взорву класс к чертовой матери, либо отравлю половину Слизерина!

— А можно мы на ваших уроках вообще ничего делать не будем? — с надеждой спросил Витя.

— Мечтать не вредно, пуффендуец, но позволить себе ничего не делать могу только я, — обломил я его. — Потому что я — Драко Малфой, неприкосновенный любимчик декана. А вот тебе, Щегол, расслабляться категорически нельзя. Снегг ненавидит тебя, твоего дружка со шрамом и твою начитанную подружку.

— Слушайте, вы, бездельники, — возмутился учитель. — Раз вы ничего не умеете, вы хотя бы имитируйте бурную деятельность! Котлами гремите, в книги с умным видом пялтесь, помешивайте там водичку!

— Ну, Антон Палыч, успокойтесь. Нам на ваших уроках английского это делать не впервой, — с тонкой ехидной улыбкой заметил Егор.

— В СМЫСЛЕ?! — воскликнул Антон Павлович.

— Короче! — перебил я. — Сейчас надо думать головой. Нам нельзя спалиться. Как вы завтра будете урок вести?

Англичанин плюхнулся обратно в свое профессорское кресло. Он порылся в стопке пергаментов, извлек оттуда потрепанный учебник «Магические отвары и зелья» и брезгливо полистал страницы.

— Значит, план такой, — мрачно постановил Ужас Подземелий. — Захожу в класс. Открываю этот фолиант. Копирую рецепт какой-нибудь... «Рябинового отвара» на доску. И говорю: «Варить от сих до сих в гробовой тишине. Кто задаст глупый вопрос — останется после уроков драить унитазы». Тьфу ты, то есть, мыть котлы. Нормальная схема? Половина учителей так работает!

— Схема гениальная, — одобрительно кивнул я. — Только добавьте немного колорита. Вам нужно ходить между партами медленно, эффектно взмахивая мантией. С лицом таким, словно вам под нос сунули тухлый лимон. И периодически дышите в затылок Поттеру.

— Поттеру? Зачем? — не понял препод.

— Канон обязывает! — вклинился Егор. — Чуть что идет не так — с каменным лицом говорите: «Поттер, вы опять дышите слишком громко и мешаете мне жить. Минус пятьдесят очков Гриффиндору!». Гарри будет в ярости, все вокруг решат, что вы в хорошем настроении, и никто ничего не заподозрит!

Антон Павлович пожевал губами, явно оценивая этот педагогический прием.

— Минус пятьдесят очков просто за то, что он бесит меня своим существованием? — препод ухмыльнулся, и эта ухмылка на лице Северуса Снегга смотрелась весьма жутко. — А знаете... мне начинает нравиться эта ваша магическая Британия. Тут у преподавателей развязаны руки.

— Вот и чудно, — резюмировал я, чувствуя, как адреналин постепенно отступает, сменяясь дикой усталостью. — Программа-минимум на завтра у нас есть: препод задает читать учебник, Слизерин кайфует, Гриффиндор страдает, а Пуффендуй пытается не взорвать класс. И мы наконец-то попытаемся отыскать наших потерянных девочек.

— М-да уж... Вот мне интересно: по какому принципу нас вообще распределило? Почему мы попали именно в эти конкретные тела? — задумчиво протянул Антон Павлович.

— Рандом всемогущий, — фыркнул Егор.

— Ну, с тобой-то, Щегол, как раз всё кристально логично, — хехекнул я. — Ты же у нас идейный коммунист. А куда же еще было отправлять пламенного борца за права пролетариата, как не на красный факультет? Тем более, Рон Уизли — выходец из многодетной семьи честных тружеников, страдающий от произвола богачей. Идеальное попадание!

Егор расхохотался.

— А ведь точно! Марксистская диалектика в действии! — гордо подбоченился он. — Значит, сам Карл Маркс велел мне здесь устроить перестройку!

— А я? Почему я Седрик?! — возмущенно вскинулся Витя. — Где я, и где этот спортивный камикадзе?

— О, тут тоже всё как по нотам, — авторитетно заявил я. — Пуффендуй — это факультет добрых, трудолюбивых и абсолютно покладистых парней. А ты у нас человек неконфликтный, привыкший во всем соглашаться с сильной женщиной и избегать сквозняков. К тому же бывший блондин. Идеально подходишь под расцветку чёрно-желтого факультета.

— Спасибо, психоаналитик, утешил, — буркнул Витя, скрестив руки на груди. — Ну, а вы, Антон Павлович?

Англичанин с любопытством выгнул бровь, ожидая моего вердикта.

— А вот насчет Антона Павловича я могу сказать только одно: это — изощренная насмешка Вселенной лично надо мной! — с чувством проговорил я, с содроганием вспоминая давешний музыкальный позор в Большом зале. — Я-то, наивный, так надеялся сесть в первом ряду, запастись попкорном и наслаждаться тем, как настоящий, каноничный Снегг будет виртуозно и жестоко стебаться над Поттером и Щеглом! А тут такое... «Дублидор» и хризантемы!

Егор заржал, хлопая себя по коленям.

— Эй, Беляев, не списывай меня со счетов! — деланно возмутился Антон Павлович, погрозив мне пальцем. — Дай мне только завтрашнего утра дождаться! Я этого вашего Поттера так отстебу за неправильный перевод текста... тьфу ты, за неправильно нарезанные коренья, что настоящий Снегг с того света поаплодирует!

— Ловлю на слове, сэр, — язвительно усмехнулся я.

— Ну, а почему ты — Малфой, мы даже спрашивать не будем, — фыркнул Щегол, утирая слезы от смеха. — Ты же и в жизни такой же пижон! Вечно причесанный, высокопарными словами бросаешься и смотришь на всех, как британский лорд на крестьян! Тебе в Слизерине самое место.

— Ах ты ж, бессовестная саблезубая каналья, — с чувством проговорил я, глядя на Егора. — А я ведь этому скунсу свои фанфики давал читать... Всю душу туда вкладывал! М-да, кто бы мог подумать... Я — лучшая мразота Хогвартса.

— Да ладно тебе, — Щегол хлопнул меня по плечу. — Не волнуйся, мы тебя не бросим.

— Да, как-нибудь прикроем, если что, — ободряюще кивнул Витя.

— Спасибо, парни, — я улыбнулся. — А теперь давайте всё-таки расходиться.

— Да, да. Давайте, чешите отсюда, — махнул рукой Антон Павлович, тяжело поднимаясь из-за стола. — Мне еще надо найти, где тут у меня кровать спрятана.

Мы втроем кивнули, попрощались с новоиспеченным зельеваром и вышли в темный, холодный коридор подземелья. Дверь кабинета с лязгом закрылась.

И тут до нас дошла страшная истина: пароли от своих гостиных мы не знаем.

ГЛАВА 6: ЧИСТАЯ КРОВЬ

Постояли мы в темном коридоре ровно три минуты, покрываясь холодным потом и мысленно составляя завещания.

А потом из-за угла с куриной ногой в зубах вывалился Гойл. Он подошел к стене, рыгнул, лениво буркнул: «Чистая кровь», и мы вместе зашли внутрь.

Егор, добравшись до седьмого этажа, просто тупо встал у портрета с видом задумчивого валенка и дождался, пока пароль не назовет какой-то сонный первокурсник.

А Вите повезло больше всех: он просто пристроился за стайкой хихикающих пуффендуйских третьекурсниц, которые сами всё открыли, еще и дверку перед своим «кавайным Седриком» вежливо придержали.

В общем, мы добрались до своих коек, уткнулись в подушки и мгновенно уснули без задних ног.

Такие дела. А вы чего ждали? Мы вообще-то сильно устали. Столько новых впечатлений... Весь экшон завтра!

Всё. Спокойной ночи!

ГЛАВА 7: ЯЗЫК — ВРАГ НАШ

Наступило утро. Большой зал гудел, сотни сов сбрасывали на столы утреннюю почту, пахло свежей выпечкой и жареным беконом. Я сидел за столом Слизерина, намазывая джем на тост и мысленно готовясь к грядущим учебным пыткам, как вдруг над моим ухом раздался вкрадчивый шепот.

— Драко... а это правда, что у вас после вчерашнего обморока могут возникать... ммм... ну, некие путаницы в сознании? — поинтересовалась Пэнси, пододвигаясь ко мне.

— С чего ты взяла? — с подозрением прищурился я, замирая с ножом в руке. — И кто это вообще «мы»?

— Вы с Уизли и Диггори, — немного виновато ответила девушка, смущенно теребя чайную ложечку. — Понимаешь, я тут просто проходила мимо Большого зала и случайно услышала, как Рон с Седриком общаются. Они называли друг друга... как-то очень странно. Чужими именами. Я подошла и прямо спросила, что это с ними. А Уизли мне с таким умным видом объяснил, что это редкие последствия обморока, которые наблюдаются у всех вас троих. Это правда?

Тут я мысленно отвесил обоим своим друзьям по тяжеленному, звонкому подзатыльнику.

«В первое же утро, блин! — с горькой, жгучей досадой подумал я. — Два идиота! Шпионы, мать вашу! Ну не могли они найти более укромного места, что ли, чтобы почесать языками и называть друг друга Витей и Егором?! Прямо в коридоре!».

— Увы, — я сокрушенно вздохнул. — К моему огромному сожалению, Пэнси, это чистая правда. Редкий побочный эффект магического истощения.

Пэнси испуганно ахнула, прикрыв рот ладошкой, но я тут же успокаивающе поднял руку, не дав ей запричитать.

— Но, как видишь, со мной-то всё абсолютно прекрасно. Моя чистокровная психика и воля легко справились с этим легким недомоганием, — я вальяжно откинулся на спинку скамьи. — А вот у этого дебила Уизли и напыщенного пуффендуйца Диггори, честно говоря, и до обморока в головах никогда не водилось ни грамма мозга. Слабый генетический материал, сама понимаешь. Чуть что — сразу замыкание в пустом черепе. Удивительно, что они вообще не начали кукарекать.

Пэнси Паркинсон заливисто, злорадно рассмеялась, глядя на меня с удвоенным обожанием.

К счастью (или к нашему великому ужасу), первым же уроком в расписании значилось Зельеварение — классическое, традиционное противостояние красного и зеленого факультетов.

И вот, гриффиндорцы и слизеринцы враждебными кучками собрались в мрачном, сыром коридоре подземелий, аккурат у той самой двери, из которой мы с друзьями ретировались накануне ночью.

Атмосфера была накалена до предела. Гриффиндорцы буравили нас полными праведного гнева взглядами, слизеринцы отвечали им высокомерными ухмылками. Я привалился плечом к холодной каменной стене, сложил руки на груди и, дождавшись, когда Пэнси отвлечется на разговор с другой слизеринкой, метнул выразительный взгляд в сторону Егора.

И тут дверь кабинета Зельеварения с оглушительным БАБАХОМ распахнулась настежь. Студенты обоих факультетов инстинктивно вжали головы в плечи и отшатнулись.

На пороге возник профессор Снегг.

Антон Павлович выглядел... эпично. Его лицо приобрело землисто-бледный оттенок, под глазами залегли глубокие черные тени магического похмелья, а губы были сжаты в тонкую, злую линию. Черная мантия развевалась за его спиной, как крылья ворона.

Англичанин обвел съежившуюся толпу таким испепеляющим, ненавидящим взглядом, что даже у меня внутри всё похолодело.

— Внутрь, — каркнул он. — Молча.

И резко развернувшись, скрылся во мраке класса.

Толпа послушно, в гробовой тишине, потекла в кабинет. Мы с Егором обменялись короткими, многозначительными взглядами и разошлись по своим местам. Слизеринцы заняли правый ряд, гриффиндорцы — левый.

Антон Павлович стоял у своего стола. Перед ним лежал толстенный учебник по зельям. Как только последний ученик сел, препод резко захлопнул дверь взмахом волшебной палочки (кажется, у него получилось это чисто рефлекторно, магия Снегга работала сама).

Учитель медленно, тяжело прошелся вдоль первого ряда парт. Тишина стояла такая, что было слышно, как в дальнем углу класса капает вода.

— Страница триста девяносто... четыре, — глухо произнес препод, не глядя ни на кого. — Рецепт зелья, который записан там, сейчас же перенести с бумаги в ваши котелки. Работать в парах. Молча. Кто задаст глупый вопрос — останется после уроков до блеска отмывать весь инвентарь... своими зубными щетками.

Антон Павлович медленно дошел до стола, за которым сидел Поттер. Наш препод остановился. Склонился над сидящим в напряжении Избранным. Его сальные черные волосы почти коснулись лица Гарри.

Я затаил дыхание. Настало время канона.

— Поттер... — вкрадчиво, ледяным тоном, от которого у меня мурашки пробежали по спине, произнес Антон Павлович.

Гарри с вызовом вскинул подбородок.

— Да, профессор?

Антон Павлович долго и задумчиво разглядывал шрам на его лбу, явно вспоминая нашу вчерашнюю инструкцию. А затем с непроницаемым лицом выдал:

— Вы... Все вокруг вынуждены слушать эти ваши идиотские вдохи-выдохи и сбиваться с мысли. А зельеварение, Поттер — это точная наука. Тонкое, филигранное искусство, где нельзя ни на что отвлекаться. А вы своим пыхтением отвлекаете всех присутствующих.

— Да, Поттер, негоже дышать, как слон после утренней пробежки, — громко хехекнул я на весь класс, подыгрывая нашему Палычу. — Имей уважение.

Слизеринская половина класса буквально взорвалась.

Гарри побагровел так стремительно, что цвет его лица мог бы слиться со знаменем Гриффиндора. Он сжал кулаки и открыл рот, чтобы высказать всё, что он обо мне думает, но его опередили.

— Профессор, но Гарри совсем не мешал никому и ничего не говорил! — внезапно, вскочив с места, пылко вступился за друга Щегол.

Антон Павлович медленно повернул голову к моему другу. Препод прищурился, изогнул бровь и приблизился к парте гриффиндорцев.

— О... мистер Уизли решил поиграть в бесплатного адвоката? — вкрадчиво, зловеще растягивая слова, произнес преподаватель, нависая над нашим рыжим актером. — Какая трогательная... и какая непроходимо тупая солидарность. Еще минус пятьдесят очков Гриффиндору за вопиющие пререкания с преподавателем. Если вы не сядете и не закроете свой рот прямо сейчас, Уизли, я заставлю вас отмывать пол в женском туалете без использования магии.

Гермиона сдавленно пискнула. Она мертвой хваткой вцепилась в край мантии Егора и с силой дернула его вниз, усаживая на скамейку. Гарри в ответ только решительно сжал плечо Егора — мол, спасибо, брат, мы вместе против этого тирана.

— К работе! — рявкнул Антон Павлович, наверняка мысленно ставя Егору и мне твердую пятерку по актерскому мастерству.

Свирепо развернувшись, Палыч взмахнул своей роскошной черной мантией и удалился к столу. Опустившись в кресло, он с независимым видом достал из ящика какую-то свернутую трубочкой бумагу, подозрительно напоминающую свежий сканворд (где, чёрт возьми, он его достал?!).

Гарри злобно что-то пробормотал. Гермиона отчаянно зашипела на парней и спешно придвинула к себе разделочную доску. Урок всё-таки начался. Я победно усмехнулся и тоже развернулся к своему столу. Улыбка на моем лице медленно, но верно померкла.

Передо мной стоял огромный чугунный котел, в котором тихо булькала мутная вода. А рядом лежал набор юного сатаниста: сушеные гусеницы, связка каких-то колючих корешков, склянка с густой зеленой слизью и мешочек с чем-то подозрительно похожим на толченые когти.

На доске красовалась надпись мелом: «Рябиновый отвар. Измельчить корень златоцветника, добавить две капли слизи флоббер-червя, варить до фиолетового цвета. Помешивать: по часовой стрелке — 3 раза, против часовой — 1».

Я поднял взгляд на сидящего рядом со мной Крэбба. Крэбб тупо смотрел на колючие корешки. Корешки тупо смотрели на него. Очевидно, рассчитывать на интеллектуальную помощь этого питекантропа категорически не приходилось.

Я скосил глаза налево. За гриффиндорским столом наш товарищ Егор поступил гениально. Он просто сгреб все свои ингредиенты поближе к Гермионе и с видом глубочайшего почтения сложил руки на груди, предоставляя лучшей ученице Хогвартса выполнять весь план по производству отвара за их двоих.

«Черт, — с тоской подумал я, беря в руки серебряный нож и брезгливо подцепляя сушеную гусеницу. — Егору крупно повезло с этой Грейнджер. А как, интересно, готовят эти дьявольские супы британские аристократы?».

Весь оставшийся урок мне пришлось провести в режиме Виктора Баринова из «Кухни», которому выдали в подмастерья двух макак.

— Крэбб, огузок ты безмозглый, режь корень кубиками, а не дави его руками! Гойл, не жри флоббер-червей, это ингредиент, а не закуска! — сквозь зубы, чтобы не слышали гриффиндорцы, отчитывал я своих «телохранителей».

Пользуясь исключительно знаниями из земной химии, кулинарии и интуицией, я всё-таки закончил приготовление и кое-как накидал всю эту дрянь в котел. К концу урока моя жидкость приобрела сомнительный серо-буро-малиновый оттенок вместо обещанного на доске фиолетового, и пахла так, словно в ней кто-то сварил старые галоши. Я искренне надеялся, что она хотя бы не прожжет котел насквозь.

Через какое-то время профессор, слегка качнувшись, тяжело встал со стула.

— Ваше время истекло! — грозно проговорил он. — Иду смотреть, какую дрянь вы тут смогли наварить к концу моего урока.

Гроза Хогвартса медленно, заложив руки за спину, поплыл между партами. Выглядело это величественно и пугающе. Никто из студентов даже не догадывался, что наш Палыч сейчас смотрит в котлы с таким же пониманием процесса, с каким баран смотрит на новые ворота.

Свою инспекцию он начал, разумеется, с гриффиндорского стола.

Учитель остановился возле котла Гермионы Грейнджер. Оттуда поднимался идеальный, описанный в учебнике серебристый пар, а сама жидкость имела безупречный фиолетовый цвет. Девочка с гордостью вскинула подбородок.

Антон Павлович постоял, глубокомысленно посмотрел в котел, понюхал воздух. А затем презрительно скривил губы

— Цвет слишком... вызывающий, Грейнджер, — с надменным вздохом вынес вердикт препод. — Формально по учебнику, но абсолютно никакой души. Ремесленничество. Безвкусица.

Гермиона, не ожидая настолько дурного отзыва о своем зелье, открыла рот.

Дальше Снегг подошел к Гарри Поттеру. Зелье Избранного слегка отдавало болотом и неприятно булькало.

— Что это за жижа, Поттер? — брезгливо процедил Лже-Снегг. — Я просил вас сварить отвар, а не борщ для приюта. Вы безнадежны. Отвратительно. Ноль баллов.

Довольно хмыкнув, он величественно пересек класс и оказался возле моего стола.

Мое серо-буро-малиновое варево в этот момент издало странный звук «хрлюп» и выплюнуло на стол мутный пузырь.

Антон Павлович нагнулся над котлом. Долго, напряженно всматривался в булькающую грязь, которую мы с Крэббом произвели на свет. Затем медленно, почти с благоговением, поднял на меня черные глаза.

— А вот это... — глубоким баритоном провозгласил Ужас Подземелий на весь класс, — это поистине шедевр, мистер Малфой.

Челюсть Поттера со стуком упала на разделочную доску.

— Вы только посмотрите на эту... текстуру! На этот... смелый оттенок! — с воодушевлением вещал Антон Павлович, указывая на мой бурлящий ужас. — Вы явно использовали нестандартный подход к нарезке корня златоцветника! Какая дерзость! Какое новаторство! Двадцать очков Слизерину за гениальность!

— Служу... факультету, профессор, — еле сдерживая приступ смеха, кивнул я.

— Это абсолютно нечестно! — не выдержал Гарри. — У Гермионы получилось всё в точности так, как описано в учебнике! До последней капли! Мы перепроверяли каждый шаг!

Антон Павлович устало вздохнул и, закатив глаза, прошествовал к своему столу.

— Перепроверять будешь свою маму, Поттер, когда она тебе суп на ужин будет варить, — машинально отрезал Лже-Снегг, даже не глядя на Избранного. — А на моем уроке моя оценка обжалованию не подлежит...

Он хотел сказать что-то еще, но фраза застряла у него в горле. Потому что в классе внезапно повисла плотная, ледяная, звенящая тишина.

Слизеринцы за моей спиной онемели. Никто не хихикал. Никто не ухмылялся.

Гриффиндорцы просто перестали дышать.

Гермиона с шокированным всхлипом прижала обе ладони ко рту.

Гарри побледнел. Вся краска разом схлынула с его лица, оставив лишь жуткий контраст с яркими зелеными глазами и шрамом в виде молнии.

А я сидел ни жив ни мертв. Я скосил глаза на гриффиндорский стол. Щегол сидел с перекошенным от паники лицом.

Осознание ударило по преподу с грацией падающего рояля. Глаза Антона Павловича начали медленно расширяться, а бледное снейповское лицо приобрело легкий зеленоватый оттенок. Он понял, какую именно дичь только что сморозил на глазах у всего класса.

— Ну, чего уставились?! Время вышло! Урок окончен! Свободны! Пошли все вон отсюда!!! — рявкнул наш бравый препод.

С этими словами Лже-Снегг поспешно рухнул в кресло и с видом крайне раздраженного, но невероятно занятого человека начал показушно, судорожно рыться в стопке пергаментов. Лицо его он надежно спрятал за листком, который держал вверх ногами, изображая чтение.

В классе мгновенно началось хаотичное, суетливое движение. Слизеринцы, явно расценив внезапный конец урока как высшую степень презрения декана к гриффиндорцам, с довольными, гаденькими ухмылками двинулись к выходу. Мои «телохранители» послушно встали за моей спиной.

А Гарри Поттер с места так и не сдвинулся.

Он стоял над своим остывающим котлом, словно пригвожденный к каменному полу. Его лицо было мертвенно-бледным, глаза лихорадочно блестели за стеклами очков, а грудь тяжело вздымалась.

Хвала Карлу Марксу, у нашего рыжего товарища реакция была отменной.

Егор быстро закинул учебники в сумку, схватил Поттера за локоть с одной стороны, Гермиона уцепилась с другой.

— Пошли, брат, пошли... — забормотал Щегол, оттаскивая окаменевшего друга от стола. — Не связывайся с этим буржуем, он сегодня явно не в адеквате. Бог ему судья, погнали на прорицания...

Они буквально насилу уволокли сломленного Гарри к выходу, волоча его по каменным плитам, пока тот продолжал испепелять невидящим взглядом сгорбленную спину Антона Павловича.

— Брависсимо, — язвительно бросил я англичанину. — Оскар ваш, маэстро.

Выйдя из сырых подземелий, я с облегчением вдохнул нормальный, не пахнущий заспиртованными жабами воздух.

Следующим по расписанию у моего факультета стояло Прорицание — спаренный урок вместе с когтевранцами.

Я решил, что мне жизненно необходимо было немного пройтись и проветриться. И вот, иду я, значится, по каменному коридору, наслаждаюсь временным одиночеством и вдруг останавливаюсь у широкого стрельчатого окна, выходящего во внутренний двор. Решаю немного полюбоваться здешними архитектурными красотами.

Мой взгляд скользнул по зеленому газону и зацепился за парочку учеников.

Какая-то рыжеволосая девочка в гриффиндорской мантии смеялась и перекидывала потертый кожаный мяч (кажется, квоффл) какому-то парню.

Что ж, не нужно быть гением аналитики, чтобы сложить два и два. Младшая Уизли. Джинни. Та самая девочка, которая по канону должна сохнуть по Поттеру.

Я оперся плечом о каменный подоконник и начал за ней наблюдать. И чем дольше я смотрел, тем страннее мне становилось.

Она двигалась с поразительной, дерзкой легкостью. Осеннее солнце переливалось в её огненных волосах, теплые лучи как будто целовали её лицо, подсвечивая россыпь веснушек. А ее глаза... Карие, смеющиеся глаза. Даже с такого расстояния у меня вдруг перехватило дыхание. Я как будто бы в них уже смотрел. Очень знакомое, щемящее чувство где-то под ребрами, знаете ли.

И тут парень на газоне бросил ей мяч — бросил криво, слишком сильно и высоко. Любая другая девчонка отшатнулась бы или нелепо взмахнула руками.

Но не она.

Девушка, даже не прекращая смеяться, сделала неуловимо быстрый шаг назад и не глядя, одной рукой, намертво перехватила тяжелый мяч прямо в воздухе. Затем она сделала то, от чего мое сердце пропустило удар и ухнуло куда-то в желудок.

Она привычным, резким жестом провела тыльной стороной ладони по лбу, убирая растрепавшуюся челку, вздернула подбородок и усмехнулась левым уголком губ.

Я замер, вцепившись пальцами в каменный подоконник.

Сомнений быть не могло. Сто процентов. Двести!

Губы мои сами собой расплылись в улыбке.

— Ну привет, Диана, — тихо прошептал я, не сводя с нее глаз.

Мне вдруг чертовски захотелось сбежать по лестнице вниз, выхватить у нее этот квоффл и просто сказать: «Хватит притворяться, я тебя нашел».

Но действовать нужно было изящно. По-аристократически.

Я летящей походкой направился обратно в сторону Северной башни на эти дурацкие Прорицания. Жизнь определенно налаживалась.

И тут, в одной из безлюдных ниш каменного коридора, я заметил знакомую желто-черную мантию. Витя стоял в полном одиночестве и с загадочным видом пялился в свинцовое окно.

— Ах, Витюша, нам ли быть в печали! — проворковал я, бесшумно подкравшись к нему сзади.

Витя вздрогнул.

— Малфой, у тебя совсем крыша едет? — зашипел он,. — Какой я тебе Витюша?! Ты бы еще обнял меня при всех, слизеринская твоя морда!

— Молодец, боец! Растешь на глазах, верю! Станиславский бы аплодировал стоя! — усмехнулся я, хлопая его по плечу.

Я наклонился к нему и заговорщически, еле слышным шепотом произнес:

— Я просто хочу тебе сказать одну невероятную вещь. Я нашел Диану.

Маска сурового Седрика мгновенно слетела с лица моего друга.

— Диану? — округлив глаза, переспросил Витя. — Но где?! Кто она? Как ты её вычислил?!

— Джинни Уизли. Младшая сеструха нашего Щегла, — с улыбкой ответил я. — Та же пластика, те же реакции. Я видел, как она поправляет волосы и усмехается. Двух таких попаданий в природе просто не бывает. Наша Дианка гениально шифруется.

— Джинни? Вот это да... — протянул Витя, восхищенно качая головой. А затем с надеждой заглянул мне в глаза: — А мою Вику ты там случайно нигде не вычислил?

— Твоя ненаглядная Виктория пока что маскируется на уровне элитных спецслужб, — со вздохом ответил я. — Вообще не отсвечивает. Не то что наш глубокоуважаемый Антон Павлович...

— А что с ним не так? Он же вроде собирался сегодня утром включить тирана? — насторожился пуффендуец.

И тут я в красках поведал ему о нашем триумфальном, но в итоге катастрофическом уроке зельеварения. О том, как Палыч виртуозно снимал баллы с Гриффиндора. О том, как гениально отыграл свою роль возмущенного Рона наш Щегол. И, разумеется, о том роковом моменте...

— Он был великолепен. Божественен! Настоящая Летучая мышь подземелий, — с досадой подвел итог я, массируя виски. — Но в один момент Палыч взял и одним предложением превратил этого трагичного антигероя в трудовика с похмельем! После этой его фразы про «маму Поттера» вся его темная харизма просто пошла на фиг. Сгорела в котле.

Витя сочувственно поцокал языком.

— Надо бы Щегла и англичанина тоже оповестить о том, что Дианку я вычислил, — задумчиво проговорил я, скрестив руки на груди. — Тем более, наш Егор теперь ее рыжий брательник.

Витя усмехнулся и уже открыл было рот, чтобы что-то ответить, но внезапно осекся и выпрямился как струна.

Гудя, как растревоженный улей, по коридору в нашу сторону двигалась пестрая толпа учеников. Половина в желто-черных мантиях пуффендуйцев, половина — в зелено-серебряных слизеринских. Как раз наша группа, направляющаяся на спаренный урок Прорицания.

Мы с Витей мгновенно отшатнулись друг от друга. Я лениво привалился плечом к стене, высокомерно вскинул подбородок и с брезгливым видом принялся рассматривать свои ногти. Витя же принял позу благородного, задумчивого старосты, устремив взгляд куда-то поверх моей головы.

Когда толпа поравнялась с нами, мы молча, не глядя друг на друга, влились в поток. Пуффендуйские девчонки тут же окружили Седрика плотным щебечущим кольцом, а ко мне пристроились молчаливые Крэбб и Гойл.

Подъем в Северную башню показался мне настоящей пыткой. Мои длинные аристократические ноги тихо гудели от этих бесконечных крутых лестниц.

Класс профессора Трелони представлял собой сущее испытание для моей тонкой натуры. Больше всего это помещение напоминало чердак сумасшедшей цыганки, в котором случайно взорвалась фура с индийскими благовониями. В воздухе висел такой густой, душный и приторный дым, что дышать можно было только через раз. Вместо нормальных парт здесь стояли крошечные круглые столики, окруженные мягкими пуфиками.

Я брезгливо пнул ближайший пуф и опустился за столик, подальше отодвигая от себя фарфоровую чашку с чаем. Витя с обреченным видом устроился за соседним столиком.

Из теней, словно гигантская, увешанная хрустальными бусами стрекоза, плавно выплыла Сивилла Трелони. Ее огромные, увеличенные толстыми линзами очков глаза тревожно и безумно бегали по классу.

— Добро пожаловать, мои дорогие... — загробным, вибрирующим голосом пропела она, нервно теребя свои многочисленные шали. — Как радостно видеть вас в физическом мире. Здесь мы обратимся к благороднейшему из всех магических искусств... Прошу, испейте свой чай и передайте чашку соседу для толкования чаинок...

Трелони начала свое коронное шествие между столиков. Она порхала от одного ученика к другому, периодически охая и предрекая кому-нибудь простуду или потерю пера.

А затем она остановилась возле Вити.

Я напрягся. Наш пуффендуец замер. Трелони склонилась над чашкой, которую держал сосед Вити. Ее глаза за гигантскими линзами расширились. Она театрально ахнула, схватилась за сердце и прижала дрожащую руку к губам.

— О, мой бедный, бедный мальчик! — трагическим шепотом, эхом разнесшимся по притихшему чердаку, воскликнула профессор, указывая пальцем прямо на нашего Седрика. — Какая аура тьмы! Мой внутренний взор видит над вами зловещую тень! В вашей чашке отчетливо виднеется... Грим! Смерть ходит за вами по пятам! Коса уже занесена над вашей юной головой!

— Это... это потому, что я хотел участвовать в Турнире? — робко, упавшим голосом спросил он.

Вдруг с соседнего пуфика раздался звонкий, возмущенный голос:

— Седрик, не слушай её!

Чжоу Чанг решительно подалась вперед и, к огромному изумлению всего класса, твердо накрыла своей ладонью руку нашего чемпиона.

— Это всё абсолютная ерунда, — с жаром произнесла девушка, заглядывая ему прямо в глаза.

Лицо Вити, еще секунду назад бледное, вдруг начало предательски розоветь. Он так и не убрал руку. Более того, на его лице медленно, сама собой, начала расплываться глуповатая, завороженная улыбка. Он смотрел на Чжоу так, словно увидел ангела.

— Какая трогательная, просто тошнотворно сладкая сцена, — процедил я, откидываясь на спинку пуфика. — Профессор Трелони, умоляю, приглядитесь внимательнее. Может, в чашке Диггори вовсе не Грим, а просто... лужица его собственных соплей?

Слизеринцы, сидевшие поблизости, гаденько захихикали. Чжоу Чанг тут же отпустила руку Седрика и метнула в меня убийственный взгляд.

— Звезды не лгут, мистер Малфой! — оскорбленно взвыла Трелони, воздевая руки к потолку и уплывая вглубь класса.

— Завидуй молча, Малфой, — с издевательской ухмылкой произнес Витя на весь притихший класс. — За тобой-то никто, кроме туповатых Крэбба с Гойлом и этой... кикиморы Пэнси, не бегает.

Когтевранцы дружно ахнули. Слизеринцы за моим столом поперхнулись.

«Красава, Витёк! — думал я. — Пуффендуй наносит ответный удар!».

— Осмелюсь заметить, что Пэнси хотя бы прогуливается с нормальным парнем, а не с бесхребетной амёбой, — ледяным голосом проговорил я. — С амёбой, которая имеет обыкновение менять свое агрегатное состояние и мнение в зависимости от того... какая именно женщина в данный момент держит ее на коротком поводке.

— Смею вам возразить, мистер Малфой, — парировал Витя с убийственным спокойствием. — Хребет — вещь весьма обременительная в ваших кругах, где принято изящно пресмыкаться перед начальством. Я уж лучше побуду свободолюбивым одноклеточным, чем породистым пуделем, чей скудный лай раздается исключительно из-за высокого папиного забора.

Где-то на заднем ряду сдавленно пискнула Трелони.

— Мой папаша таких амёб, как ты, на завтрак кушает, — проговорил я, надменно вскинув подбородок.

— Ну да, он же на короткой ноге с Волан-де-Мортом, — абсолютно беспечно, словно комментируя прогноз погоды, отозвался Витя.

Кто-то из когтевранок пронзительно взвизгнул. Раздался звон разбившегося фарфора — это профессор Трелони выронила чью-то чашку, схватившись за сердце. Слизеринцы инстинктивно вжали головы в плечи, а Чжоу Чанг в ужасе отшатнулась, прикрыв рот ладонью. В магической Британии даже взрослые волшебники падали в обморок от одного звучания этого имени, а тут какой-то школьник произносит его с такой же интонацией, с какой просит передать соль!

«Блин, Витюша, перебор!» — подумал я. Мой мозг лихорадочно заработал, соображая, как же вырулить из этой катастрофической ситуации, учитывая, что вышесказанное вообще-то — чистейшая, каноничная правда.

— Тот-кого-нельзя-называть? Серьезно, Диггори? — я позволил себе издать презрительный смешок. — Какая нелепая, безвкусная и жалкая попытка привлечь к себе внимание. Мой отец — уважаемый попечитель этой школы. Но если дым на этом чердаке уже вызывает у вас столь яркие галлюцинации... Боюсь, этот Турнир вы точно не переживете.

Я поправил мантию, с удовлетворением отмечая, как ужас в глазах окружающих сменяется сомнениями.

— Вызывайте колдомедиков, если он начнет ловить невидимых пикси, — бросил я напоследок в пустоту класса. — Крэбб, Гойл. За мной.

Покинув чердак и завернув за ближайший поворот коридора, я привалился к холодной каменной стене, схватившись за сердце.

— Идиоты... мы все идиоты, — прохрипел я, нервно смеясь. — «На короткой ноге»! Господи, Витя, спасибо, что хоть не сказал, что он у него на даче крестным был!

Ну почему только я один в этом мире могу вести себя согласно канону?

ГЛАВА 8: ГОРЕ-КУПИДОН

— Нет, братцы-кролики, так дело не пойдет, — решительно проговорил я, когда вечером наш тайный кружок попаданцев снова в полном составе собрался в кабинете у Снегга. — Если всё так продолжится и дальше, то либо мы кого-то покалечим, либо кто-то из местных покалечит нас. Причем второй вариант выглядит куда более реалистичным.

День в целом прошел более-менее гладко, но исключительно благодаря моей феноменальной способности пускать пыль в глаза. Я как мог имитировал бурную магическую деятельность на уроках, где требовалось колдовать по-настоящему.

На Трансфигурации, когда Макгонагалл велела нам превратить ежа в подушечку для иголок, я ни разу не взмахнул палочкой. Вместо этого я заявил, что «истинный Малфой занимается управлением ресурсами, а не ручным трудом», после чего приказал Гойлу превращать ежа за нас двоих. Пронесло.

На Травологии с профессором Стебль я притворился, будто бы меня укусило какое-то растение и побежал к мадам Помфри, которая, правда, быстро раскусила мою симуляцию. Но тем не менее, минус урок.

— Ну, бывает, бес попутал, оговорился, — сконфуженно пробурчал Антон Павлович.

— И я что-то замечтался... — виновато опустил глаза Витя.

— А нефиг на всяких Чжоу отвлекаться, пуффендуйский ты наш ловелас! — ядовито подколол я друга. — Ладно, с этими всё ясно. Щегол, а ты как тут очутился? Как там твои неразлучные Гарри с Гермионой? Каким образом ты вообще выкрутился из их цепких гриффиндорских лап на ночь глядя?

Егор довольно ухмыльнулся, поправив на груди красно-золотой галстук.

— А я включил смекалку! — отрапортовал он. — Я им сказал, что случайно отдавил Снеггу ногу в коридоре, и этот диктатор в качестве наказания заставил меня прийти к нему в подземелья чистить котлы зубной щеткой! Поттер, бедняга, так проникся, что чуть ли не со слезами на глазах предлагал пойти отрабатывать вместе со мной. Еле отговорил пацана!

— Мда уж, прямо-таки заливался водопадом, — с недоверием протянул Витя.

— Ну, просто предложил, ладно, — покладисто согласился Егор, махнув рукой. — Но тем не менее! А в остальном... сказать, что день был напряженным — это вообще ничего не сказать. Во-первых, ваш Гарри весь день ходил пришибленный, как после выговора на партсобрании. Всё пытался понять, откуда ты, Марсель, знаешь его сверхсекретные гриффиндорские тайны про Квиррелла и метлу. Пацан реально уверен, что ты по ночам практикуешь чтение мыслей! Мне пришлось полдня хлопать по плечу и убеждать, что буржуазия просто берет на понт, и главное — не поддаваться на классовые провокации.

Я довольно хмыкнул.

— А на уроках ты как выкручивался? Без магии-то? — с интересом спросил Витя.

— Элементарно! Четкое разделение труда! — гордо поднял палец Щегол. — Я сразу смекнул, что наша Грейнджер — это же настоящая стахановка магического фронта! Учится за пятерых, норму перевыполняет! На Заклинаниях с Флитвиком мы с Гарриком просто стояли с умными лицами и махали палками, как гаишники жезлами на перекрестке, а Гермиона всё колдовала и поправляла нам произношение. Мы только головой кивали. А потом... О-о-о, парни, потом случился главный идеологический прорыв!

Глаза Егора загорелись тем самым фанатичным, ленинским блеском.

— Представляете, я тут выяснил поразительный факт, — возмущенно сказал он. — В этом вашем пафосном замке, оказывается, работают домашние эльфы! Маленькие ушастые работяги! Вкалывают в подземельях в три смены, без зарплаты, без нормированного графика, без выходных и, мать вашу, без больничных! Чистейшая, неприкрытая эксплуатация рабочего

класса! Рабство! Гермиона сегодня весь обед возмущалась по этому поводу. Говорит, хочет создать общество в их защиту... Г.А.В.Н.Э. называется.

— Аббревиатура, прямо скажем, не очень, — заметил Антон Павлович, потирая подбородок.

— Во-о-от! И я ей то же самое сказал! — воодушевился Егор. — Я подошел к ней, решительно осудил империализм магической Британии и заявил, что мы не будем заниматься благотворительностью. Мы создадим мощный «Профсоюз Магических Рабочих»!

— И как она отреагировала? — с легким ужасом спросил я

— Парни, она смотрела на меня, как на Карла Маркса во плоти! — самодовольно заявил Щегол. — В каноне-то Рон Уизли над ней угорал и говорил, что эльфам нравится быть рабами. А я обеспечил ей мощнейшую политическую платформу! У нас с Гермионой теперь полный идеологический консенсус! Завтра пойдем с ней писать устав профсоюза!

Я переглянулся с Витей и Антоном Павловичем. Мысленно я уже видел заголовки «Ежедневного Пророка»: «Рон Уизли устраивает красный террор в Хогвартсе».

— Расчудесно, — задумчиво кивнул Антон Павлович, барабаня пальцами по столешнице. — Что ж, я думаю, что...

Тяжелая дубовая дверь кабинета внезапно распахнулась.

На пороге подземелья, освещаемая тусклым светом факелов из коридора, стояла заместитель директора собственной персоной — профессор Минерва Макгонагалл. Ее губы были сурово поджаты, а изумрудная мантия строгими складками ниспадала до самого пола.

— Добрый вечер, профессор, — сухо поздоровалась она и осеклась. Ее цепкий взгляд прошелся по нашей живописной компании. — Рон? Малфой? Седрик? Что вы трое здесь делаете все вместе так поздно? После отбоя?

Антон Павлович моментально перевоплотился в Северуса Снегга.

— Отрабатывают свои грехи, Минерва, — процедил он, с ненавистью глядя на нас. — Эти... выдающиеся умы... отвратительно вели себя на моих занятиях. Я назначил им совместную отработку. Чистка инвентаря.

Поняв намек с полуслова, я мгновенно схватил со стола какую-то сомнительную, грязную тряпку и начал остервенело, с трагическим лицом тереть ближайший чугунный котел. Витя судорожно схватил стеклянную банку с заспиртованными пиявками и сделал вид, что инвентаризирует их, шевеля губами. А Щегол просто насупился и опустил свою рыжую голову, отыгрывая униженного гриффиндорца.

Макгонагалл недоверчиво прищурилась, глядя на наш импровизированный субботник.

— Вот именно о вашем понимании наказаний и поведении на уроках я и хотела бы с вами поговорить, Северус, — холодно произнесла она, шагнув в кабинет и прикрыв за собой дверь. — Мне кое-кто шепнул, что на сегодняшнем уроке вы намеренно занижали оценки мисс Грейнджер и Поттеру, в то время как мистеру Малфою — за абсолютно невразумительную субстанцию в котле — вы оценку беспрецедентно завысили.

Я еще яростнее затер чугунный бок котла. К чести Антона Павловича, он даже глазом не моргнул. Он медленно поднялся из-за стола, скрестив руки на груди, и посмотрел на нее сверху вниз.

— Мои оценки, профессор Макгонагалл — это эталон объективности, — ледяным тоном отрезал Лже-Снегг. — Мисс Грейнджер занимается бездушным ремесленничеством. Поттер не умеет контролировать даже собственное дыхание, не говоря уже о зельях. А мистер Малфой продемонстрировал смелый, авангардный подход к нарезке ингредиентов. Я оцениваю потенциал.

— Объективности? Северус, вы обвинили Поттера в том, что он громко дышит! — всплеснула руками Макгонагалл. — Вы не находите, что ваши методы выходят за рамки педагогической этики?

Антон Павлович сделал шаг вперед. Свет факелов выхватил его бледное лицо из темноты.

— Вы слишком мягки с ними, Минерва, — произнес он тихим, но пробирающим до костей шепотом. — Дисциплина — это не наказание. Дисциплина — это то, что сохранит ученикам жизнь, когда магия окажется бессильна.

Тут учитель плавно повернулся к нам.

— Жизнь, к сожалению, бьет гораздо больнее, чем любое заклинание из ваших учебников. А теперь пошли вон. И чтобы я больше сегодня вас не видел.

Дважды нам повторять не пришлось. Бросив грязные тряпки и стеклянные банки с заспиртованной гадостью, мы втроем, расталкивая друг друга локтями, вылетели в коридор, оставив ошеломленную Макгонагалл наедине с нашим гениальным преподавателем.

Дверь с гулким, тяжелым стуком захлопнулась за нашими спинами.

— Ненавижу Антона Павловича, — проговорил я. — Вот искренне. Он, блин, сначала сам всё испортит, а потом мастерски выкрутится, словно скользкий ужик. Неудивительно, что этот человек попал в тело декана факультета со «змеиной» символикой. Прямо-таки родная стихия.

— Макгонагалл, видно, знатно охренела с такой ответки, — хехекнул Витя.

— Зато каков авторитет! Сказал, как гвоздь забил! — добавил Щегол. — Ладно, господа хорошие. Ночь на дворе. Погнали по своим штабам.

И только мы хотели разойтись, как вдруг послышались шаги. Они всё приближались и приближались. Это был тяжелый, неравномерный и до жути знакомый ритм:

Топ... Клац... Топ... Клац...

— Шухер! — одними губами выдохнул Щегол, хватая нас с Витей за мантии.

Он с силой рванул нас в сторону, и мы влетели в глубокую темную нишу, скрытую за выцветшим гобеленом. Витя тут же вжался в холодную стену, закрыв лицо руками.

Я осторожно отодвинул край пыльной ткани ровно на миллиметр. Из-за угла выплыла массивная, грузная фигура. Аластор Грозный Глаз Грюм.

— Спокуха, пацаны, — еле слышно прошептал я. — Это Барти Крауч-младший. Сейчас этот поехавший Пожиратель хлебнет своего Оборотного зелья, его перекосит, и он похромает дальше строить козни Поттеру.

Егор в темноте коротко кивнул. Грюм действительно остановился ровно напротив нашей ниши. Он тяжело привалился к стене, достал фляжку, сделал большой глоток и шумно выдохнул, когда его изуродованное лицо свело судорогой.

Но затем волшебный, пронзительно-голубой глаз мракоборца, который до этого хаотично вращался в глазнице, вдруг с громким щелчком замер.

Он уставился прямо на наш гобелен. Прямо на нас.

Мое сердце остановилось. Витя перестал дышать. Этот магический протез позволял видеть сквозь ткани, мантии и стены. Крауч нас засек. Сейчас в нашу нишу полетит Авада Кедавра.

Но Грюм не поднял палочку.

Он долго разглядывал нас сквозь плотную ткань гобелена. Затем уголок его покрытого шрамами рта медленно пополз вверх, растягиваясь в жуткой, понимающей ухмылке.

Ни сказав ни единого слова, Лже-Грюм медленно, многозначительно кивнул, после чего поднял палец и приложил его губам.

Он резко развернулся и, тихо хмыкнув себе под нос, тяжело покатил дальше по коридору.

Топ... Клац... Топ... Клац...

Мы простояли парализованными еще минуты три, пока звук его шагов не затих окончательно.

Я на ватных ногах вывалился из укрытия и сполз по стене. Егор выбрался следом, бледный как мел, таща за собой трясущегося Витю.

— Он нас видел... — истерично зашептал наш пуффендуец, хватаясь за волосы. — Он всё видел! Почему он нас не убил?! Почему он нам... улыбался?!

— Вот именно этот вопрос меня сейчас напрягает больше всего, — прохрипел Щегол, вытирая холодный пот со лба. — Марсель? Какого черта сейчас было?

Я смотрел в темный коридор, чувствуя, как шестеренки в моей голове со скрежетом проворачиваются, сопоставляя факты.

— Его глаз... видит сквозь двери. А его уши всё слышат, — медленно прошептал я. — Парни. А что, если он стоял под дверью Антона Павловича, когда мы там болтали?

Егор замер, и его глаза округлились до размера галлеонов.

— Хочешь сказать, он всё подслушал?

— Хуже, — застонал я, пряча лицо в ладонях. — Подумай логически! Барти Крауч — поехавший фанатик Темного Лорда. Он услышал незнакомые русские имена, услышал, что мы под прикрытием. Он же не знает слова «попаданцы»!

— Твою дивизию... — выдохнул Егор. — Он решил, что мы... что мы Пожиратели Смерти? Присланные ему на помощь?!

— Ну, может не совсем так, конечно, — выдохнул я. — Но ясно одно: он принял нас за своих. И теперь мы в такой глубокой заднице, товарищи, что даже Дамблдор нас оттуда не вытащит.

— Так! Я иду всё ему рассказывать! Немедленно! — панически воскликнул Витя.

Он резко развернулся и хотел было ринуться прямо по коридору в сторону директорской башни, но мы с Щеглом сработали на рефлексах. Я вцепился в один рукав его черно-желтой мантии, Егор повис на другом. Мы втащили нашего паникующего чемпиона обратно в спасительный полумрак ниши.

— Виктор, отставить панику! Спокойствие, только спокойствие! — сурово зашипел я, прижимая его к холодной каменной стене. — Во-первых, выключи эмоции и включи логику. Категорически запрещаю привлекать сюда директора. Что ты ему вообще скажешь?

— Всю правду! Как на духу! — отчаянно зашептал Витя, пытаясь вырваться из нашего захвата. — Скажу, что мы не отсюда! Он дед умный, мудрый! Он разберется, что с нами делать! Напоит чаем с лимонными дольками и отправит домой!

— Вить, тормози, — веско сказал Щегол. — Зачем нам милиция и лишний шум? Антон Палыч, я уверен, уже на днях состряпает свой Неёловский квас, и мы сами отсюда уйдем, когда захотим! Делов-то! Покрошит кореньев, зальет водой — и портал готов! Мы полностью контролируем средства производства!

Я закатил глаза от такой святой наивности Егора насчет зельеварения, но решил поддержать легенду ради успокоения друга.

— Щегол прав. И к тому же, Виктор, подумай сам, — вкрадчиво добавил я. — Ты думаешь, если мы скажем величайшему светлому магу современности, что мы знаем всё будущее, все пророчества и планы Волан-де-Морта на десять лет вперед, он нас отпустит? Да он нас в Орден Феникса запишет первым же приказом! И бросит на передовую в качестве штабных аналитиков! Ты хочешь воевать с Пожирателями Смерти в лесах под Лондоном?

Витя замер. Перспектива пить чай с директором мгновенно померкла перед ужасающей вероятностью ночевать в мокрых окопах с волшебной палочкой.

— Ребят, это ведь не шутки уже, — проговорил он, глядя куда-то в пол. — Мы уже ввязались в абсолютно дерьмовую историю.

— Да ни во что мы пока что не ввязались, — отмахнулся Егор. — Так, просто Барти ошибся, бывает. Наша хата с краю, пересидим...

— Для вас это всё шуточки-уточки! — с горечью перебил его Витя. — Просто веселая развлекаловка! Оу, мы в Хогвартсе, в чужих телах, круто, давайте-ка повеселимся! Поугараем над учителями, потроллим Поттера, поиграем в шпионов!

Витя обвел нас взглядом, полным осуждения.

— Я хочу напомнить вам, что здесь реально убивают, — продолжил пуффендуец. — Здесь реально сражаются. Реальные интриги плетут. Настоящие, не книжные! Этот одноглазый урод, который сейчас прошел мимо нас — маньяк и убийца! А магия... магия тут совершенно не делает мир проще или безопаснее. Скорее наоборот. Легко быть храбрым, когда ты ничего не теряешь, парни. А я... я просто хочу вернуться домой. Вернуться! Выкупаете?

— Это понятно, — кивнул я. — Но объективно-то, прямо сейчас ничего фатального и серьезного не произошло, так? Подумал он, что мы свои, нам же пока только в плюс.

— Мы с вами очень рискуем! — не унимался Седрик, возмущенно взмахнув руками. — Кого там убили эти ваши Пожиратели Смерти за всю историю, а? Ну-ка скажи мне, любитель канона!

— Тебе сейчас реально спойлернуть, или ты так, к слову спросил? — деловито уточнил я.

И тут же получил болезненный тычок локтем под ребра от Щегла.

— Да кого бы они там ни убили, ясно одно, — подвел итог Егор. — Один очень опасный человек в замке теперь точно знает, что мы не те, за кого себя выдаем. Пусть даже он всё неправильно понял. А следовательно, оставить это без внимания мы категорически не можем. Завтра же идем и всё докладываем Палычу. Пусть учитель думает, как нам теперь вертеться.

Мы дружно закивали. На том и порешили.

А на следующее утро я пошел по коридору к Антону Павловичу (было решено, что к нему пойду я, так как это будет менее подозрительно, согласны? Слизеринский староста и любимчик идет к декану — обычное дело).

И вот, значится, иду я по коридору. Передо мной пресвятая троица — Гарри, Гермиона и Рон — о чем-то бурно переговариваются.

Ну, грех не подслушать. Тем более, я злодей по канону, мне положено по статусу собирать компромат.

Я бесшумно скользнул за каменную статую какой-то горгульи, изящно слившись с архитектурой, и навострил уши.

— ...и я всю ночь думала над твоим предложением, Рон! — воодушевленно щебетала Гермиона, активно размахивая пухлым свитком пергамента. — Ты был абсолютно прав! Аббревиатура Г.А.В.Н.Э. звучит слишком... отталкивающе. А вот «Профсоюз Магических Рабочих» — это солидно! Это привлекает внимание к проблеме! Мы потребуем для домовиков восьмичасовой рабочий день, оплачиваемые отпуска и...

— И молоко за вредность! — поддакнул Щегол, уверенно вышагивая между гриффиндорцами. — Они же на кухнях круглые сутки у котлов стоят! По трудовому кодексу им положена компенсация! Мы составим манифест и положим его директору на стол!

Я, прячась за горгульей, зажал себе рот рукой, чтобы не заржать в голос. Щегол был просто в ударе.

Повисла короткая пауза. Судя по звуку шагов, пресвятая троица остановилась.

— Рон... — очень неуверенно, с явной ноткой искренней тревоги протянул Гарри Поттер. — Рон, скажи честно: ты уверен, что мадам Помфри дала тебе правильное зелье? Ты используешь слова из четырех и более слогов. «Компенсация»? Вчера ты назвал Малфоя «собакой», а сегодня требуешь компенсацию для эльфов. С тобой точно всё в порядке?

— Гарри, ну что ты заладил! — тут же с жаром вступилась за нашего коммуниста Гермиона. — Рон просто повзрослел за лето и, наконец, обрел классовую... то есть, социальную осознанность! И вообще, сейчас есть проблемы и посерьезнее. Например, то, что произошло на Зельеварении. Гарри, мне так жаль, что Снегг сказал это про твою маму...

Раздался глухой стук — видимо, Поттер от злости пнул каменную стену.

— Да плевать я хотел на Снегга! — огрызнулся Избранный. — Я уверен, это Малфой виноват во всём этом бреде! Вы слышали этого хорька?! Он прямым текстом сказал, что пода-

рил Снеггу какое-то зелье! Он явно отравил его, чтобы препод слетел с катушек! А еще Малфой шпионит за нами! Как, скажите на милость, он мог узнать про Квиррелла на первом курсе?! Он умеет читать мысли?!

— Спокуха, Гарри. Бездоказательные обвинения — это удел капиталистов, — невозмутимо ответил Егор, явно похлопав друга по плечу. — Паника в наших рядах недопустима. Главное — не поддаваться на провокации. Мы установим за Малфоем наружное наблюдение.

— И каким же образом? — хмуро и недоверчиво спросил Гарри.

— Подкупим какого-нибудь мелкого слизеринца-первокурсника, чтобы он за этим белобрысым элементом по пятам ходил, — авторитетно заявил Егор. — Вербанем агента. Проверенная схема.

— Да ну, — с сильным сомнением протянула Гермиона. — Рон, это абсурд. Он же всё-таки слизеринец, хоть и маленький. Их же там в подземельях с первого дня учат, как гриффиндорцев грязью поливать! Не пойдет он с нами на сделку, это же идеологический враг.

— Эх, Гермиона... В современном жестоком мире каждый мечтает продать свои убеждения подороже, — печально изрек Щегол. — Поверь мне. Главное — найти правильного кандидата и предложить хорошую ставку. Шоколадными лягушками, например. Или защитой от старшекурсников.

— Или гарантией, что этот мелкий сможет поучаствовать в Турнире Трех Волшебников, — добавил Гарри.

Друзья искренне рассмеялись.

— Да ну, — хехекнул Щегол. — Мы же хотим привлечь ценного кадра, а не отпугнуть мелкого верной смертью.

Я удовлетворенно кивнул сам себе. Информации было собрано достаточно, пора было с достоинством удалиться. Я сделал шаг назад, чтобы развернуться, но... совершенно забыл, что местная школьная форма имеет свойство путаться под ногами.

Мой ботинок наступил на длинный подол мантии. Я нелепо взмахнул руками, споткнулся о каменный постамент горгульи и с громким криком «Твою ж!» кубарем вывалился из укрытия прямо под ноги великолепной тройке.

Повисла мертвая тишина.

Я лежал на животе посреди коридора, уткнувшись носом в каменные плиты, прямо перед изношенными кроссовками Поттера.

— Малфой?! — потрясенно выдохнула Гермиона.

— Я так и знал! Я так и знал, что ты шпионишь за нами! — торжествующе и одновременно яростно воскликнул Гарри, побагровев.

Его рука тут же метнулась за пазуху за волшебной палочкой.

— Ах ты, контра недобитая! — громогласно взревел Щегол. — Следишь за нами, гад?!

Я поднялся на ноги. Отряхнул пыль с зеленого галстука и презрительно вздернул подбородок.

— Шпионю? За вами? — я издал короткий, ледяной смешок, смерив святую троицу уничижительным взглядом. — Поттер, твоя мегаломания достигла клинических масштабов. Вы настолько громко обсуждали свою нелепую возню с домашними эльфами, что у этой бедной горгульи, — я похлопал статую по каменному боку, — чуть уши не завяли. Я просто присел проверить, не пошла ли по ней трещина от вашей тупости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.